

Драко

Крейтервейс

Сказка

Гром ударил так близко, что с потолка посыпалась пыль. Мертвенно– лиловая вспышка на миг отогнала тьму, изрезала стены тенями, но уже в следующее мгновение вернулся разгневанный мрак. Ветер метнул в окно что-то мягкое; тошнотворно хлюпнув, оно сползло по стеклу, чтобы навсегда исчезнуть в буре.

Шум кроны могучего дерева переплетался с ревом урагана, стены потрескивали. Многовековой неохватный ствол ощутимо раскачивался. В доме царила густая липкая мгла, тайфун давно оборвал провода; контуры окон едва угадывались по мерцавшим за тучами молниям.

Дэйл сидел в главной зале, обернувшись одеялом. Где-то на втором этаже капала вода, дерево раскачивалось, ураган за стенами свирепо выл; одинокая свеча, горевшая на столе, отбрасывала темно– лиловые тени.

– А я не усну, – упрямо прошептал Дэйл. – На девятую ночь, да? Поглядим– ка, что будет, коли я всю девятую ночь просижу здесь...

Он плотнее закутался в одеяло, но лапки все равно тряслись. Сердечко бешено колотилось в груди. Друзья, уставшие за день, мирно спали в своих комнатах; Дэйл никому не рассказывал о кошмаре, что с недавних пор его преследовал. Только самого себя не обманешь: ему было страшно. Так страшно, что он решил бодрствовать в жуткую ночную грозу, лишь бы не спать. Не спать, слышишь? Не спать...

Сквозь шум урагана, от двери донеслись глухие скребущие звуки. Дэйл явственно ощутил, как шерсть на загривке встает дыбом.

«Померещилось» – решил он, судорожно цепляясь за одеяло. – «Мало ли, чем там ветер шуршит»

Поскребывание повторилось. Посерев от страха, Дэйл накрыл одеялом голову.

«Там никого нет... Никого нет! Никого!!! Нет!!!»

Снова, еще ближе, ударил гром, могучее дерево содрогнулось до самых корней. Яростный порыв ветра сорвал дверь с петель, моментально задул свечу; в крошечной тьме, оцепеневший Дэйл ощутил, как нечто дотронулось до его шеи.

От ужаса он не мог даже кричать, сердце покрылось коркой льда, лапки отнялись. Но прежде, чем пасть в милосердные объятия беспамятства, Дэйл расслышал голос – мертвый, будто вытесанный из мрамора, что идет на могильные плиты:

– Нур айн паар тагэ... – прошептал неизвестный, каждым словом замораживая в комнате воздух. Дэйл, пискнув, лишился чувств.

Пришел в себя через пару часов. Сорванная дверь валялась на полу, ветер уже нанес у порога целую гору песка и мокрых листьев. Дэйл, с трудом встав на ноги, молча выпутался из одеяла, разорвал свою пеструю рубашку, отбросил. Стала видна широкая полоса седой шерсти, протянувшаяся от плеча поперек груди и за спину.

Не говоря ни слова, Дэйл поднялся на второй этаж, столь уверенно шагая в крошечной мгле, словно его глаза – живые, яркие, как и раньше, только с неведомой прежде блеской – обрели новые качества.

Он прошел мимо двух комнат, не останавливаясь открыл двери третьей и замер у кровати, где спал Чип. Откинул одеяло, положил лапку ему грудь. Светлая шерсть вокруг пальцев мгновенно поседела.

Судорожно выгнувшись, Чип впился коготками в матрас, пару раз глотнул воздух. Бессильно обмяк, приоткрыл глаза. В них зажглась такая же блеска.

– Вирх нан’тн, – тихо сказал Дэйл. С трудом кивнув, Чип молча поднялся с кровати и, следом за другом, покинул спальню.

Они спустились в главный зал. Решительно, не оглядываясь, вышли навстречу воющей буре. Там, у порога, на широкой площадке, когда-то любовно украшенной бусинами и кусочками цветного стекла, сидела ворона.

Дождь бил ее по перьям, и каждая капля, коснувшись птицы, становилась черной; по ветке, будто нити жуткой паутины, растекались темные ручейки. Чип и Дэйл приблизились к ночной гостье, та, сверкнув глазом, расстелила перед ними крыло.

Посреди лоснящейся атласной тьмы, одиноко светлело седое перо.

ЗАКРЫЛАСЬ ДВЕРЬ, ОН ВЫШЕЛ И ПРОПАЛ.
 НАВЕК ИСЧЕЗ – НИ АДРЕСА, НИ ТЕНИ.
 БЫТЬ МОЖЕТ, ПРОСТО ЧТО-ТО ОН УЗНАЛ
 ПРО СУТЬ ДОРОГ И КРАСОТУ СИРЕНИ...
 ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ, СКАЖИ, КАК МНЕ НАЙТИ,
 ОТКРЫТКОЙ СТАТЬ И ВЫРВАТЬСЯ ИЗ СЕТИ?
 ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ, РАСТАЯВШИЙ В ПУТИ
 ВСЕПЕРЕМАЛЫВАЮЩИХ СТОЛЕТИЙ...

(ДДТ)

«Вот кто объяснит, почему, когда все уважающие себя летучие мыши готовятся ко сну, я просыпаюсь?» – мрачно подумала Фоксглав, глядя в перевернутое окно.

Стояло раннее утро. Гроза миновала, хотя с пасмурного неба по– прежнему моросил дождь. В воздухе пахло озоном, мокрой травой, осенью. «И чем-то еще», – подумала Фокси. Чем-то смутно знакомым, из самых дальних, призрачных закутков памяти. Летучая мышь с недоумением перебрала крыльями.

В душе копошилась легкая необъяснимая тревога -то ли пустота, толи горечь. Фокси закрыла яркие глазки в надежде разобраться.

На краю сознания, смутно, мерцали обрывки рассветных грез. Обычно летунья прекрасно помнила свои сны, но только не сейчас – картинка ускользала, тонула в искристом тумане. Не покидало странное чувство, будто на этот сон она смотрела со стороны.

Фокси напряглась. Память слушалась неохотно, упрямо. Из тумана на краткие секунды проступали несвязанные образы – каменная стена, поросшая мхом, ржавый фонтан. Внезапно – призрачное видение дворцового зала с зеркальным стеклянным полом. И вновь стена, теперь она медленно рушится, камни врастают в землю... Огромное одинокое дерево на берегу озера, кажется, каштан... Ой! Дождь! Горячий

дождь! Только идет он почему-то вверх, от равнины к тучам, хотя это не тучи... Нет, клубы дыма! А дождь прекратился...

У Фокси разболелась голова, так что она бросила терзать память и, с легким облегчением, открыла глазки. Отцепилась с насеста, где по обыкновению спала вниз головой, спланировала на пол. Сладко потянулась.

– Доброе утро! – летунья весело поздоровалась с миром. Подошла к окну, распахнула створки. Пурпурно– фиолетовые крылышки поймали ветер и Фокси вдохнула всей грудью.

Думать о мрачных сновидениях, сейчас? А– а– а, отложим до худших времен! Решительно тряхнув головой, она вышла из комнаты -только чтобы угодить напрямиком в лужу, в которую превратился коридор.

– Отличное начало отличного дня, – буркнула летунья под нос. Приподняв крылья, чтобы не намочить перепонку, морщась от противного холода вокруг хвоста, Фокси прошлепала к лестнице. На первой же ступеньке принялась остервенело отряхиваться.

– Следовало получше выбирать комнату... – пробормотала она недовольно.

Огляделась. Ночное буйство стихии дорого обошлось Штабу – помимо оборванных проводов и выбитой двери, ливень затопил нижние этажи, включая ангар и мастерскую. Всю электрику теперь предстояло сушить, а то и перебирать.

– Я ведь говорила, – Фокси принялась взбираться по лестнице. – Предупреждала, что готовиться к зиме надо даже самым цивилизованным, самым беспечным, самым наивным грызунам этой планеты. Но что вы, кто станет слушать летучую мышшь? Кому нужны советы а... – она вошла в главную залу, да так и застыла с раскрытым ртом. Впереди, у сорванной двери, стояла бледная Гайка. В лапках она держала изорванную рубашку Дэйла.

– Фокси? – напряженно спросила белая мышка при виде подруги. – Ты, случайно, не знаешь, где ребята?

Летунья моргнула, с трудом закрыла пасть. Подбежала к порогу.

– Что случилось?!

Гайка беспомощно протянула ей обрывки рубахи.

– Даже не оставили записки, – сказала растеряно. – Ушли ночью, без одежды!

Конечно, они ее и раньше носили только по привычке, – пробормотала Гайка, – Но, вот так исчезнуть, не предупредив друзей...

Фокси схватила рубашку Дэйла, быстро обнюхала. Тот самый, едва знакомый, но совершенно непонятный запах, здесь ощущался куда сильнее. Нервно сглотнув, летучая мышка оглядела усыпанный песком да грязными листьями пол.

– Ты уверена, что они ушли? Может, просто гуляют в парке?

Гайка развела лапками.

– У меня тут камера ночного видения установлена. Включается автоматически, если пропадает основное питание. Часть сигнализации...

Фокси встрепенулась:

– Ну и?!

– Я утром заглянула позвать их на помощь, мастерскую залило дождем, но обе кровати пустовали... – Гайка сглотнула. – Решила проверить камеру, прокрутила на большой скорости. Дэйл, похоже, всю ночь сидел у стола, смотрел на свечу, потом вроде как уснул, но через пару часов проснулся, зачем-то разорвал рубашку и поднялся на второй этаж. Почти сразу вернулся, уже с Чипом, и оба скрылись за дверью. Даже не оглянулись...

Летучая мышь нервно переступила с лапки на лапку.

– Решили прогуляться?

– В грозовой ливень и ураган? – переспросила Гаечка. – Да и вообще, Фокси... – она беспомощно провела лапкой по лбу. – Они так выглядели... Словно возвращаться не собирались. У меня сердце болит... – Гаечка села на пол и уронила лицо в ладони. Фокси подбежала, накрыла подругу крылом.

– Ты не можешь этого знать, Гая. Сплошные домыслы. Мало ли... – ее голос задрожал. – Нас с тобой так просто не бросят!

– Я растеряна... – всхлипнула мышка. – Последнее время... Мне казалось, Чипа уже не так радует работа. А Дэйл вообще был сам не свой, озирался, шарахался от каждой тени! Я не обращала внимания... Мне и в голову не приходило, что ребята... Решат уйти... Даже не оставив записки...

– Гая, они НЕ МОГЛИ так уйти, – стараясь казаться спокойной, возразила Фоксглав. – Чип и Дэйл нам не чужие, мы знаем их, как себя. Опомнись. Скорее небо

рухнет на землю, а океан обратится в песок, чем эти двое бросят друзей.

Рывком выпрямившись, она свирепо огляделась.

– Их похитили, – сказала твердо.

– Что? Да нет... – Гайка поникла. – Моя сигнализация не подпустила бы чужаков и на милю.

– А она как, без электричества работает? – резко спросила Фокси, указав крылом на качающиеся за окнами провода.

– Как и камера. На батарейках, – Гайка нервно взъерошила волосы. – Но ты права, не могли ребята вот так ни с того, ни с сего, бросить дело всей жизни и... Нас, – добавила с запинкой. Вскочила: – Я поищу следы вокруг дерева, а ты с воздуха попытайся...

– Стой! – Летунья быстро загородила ей путь крылом. – Не шевелись!

Напряженная, как тетива, Фокси медленно вышла за порог, сделала пару шагов по посадочной площадке. Присела у высохшей темной полосы – будто кто-то разлил чернила. Глаза летуньи широко раскрылись.

– Не может быть... – выдохнула она. Отказываясь верить, протянула крыло к темному следу. Коснулась.

Ее тут же скрутило в приступе рвоты, она упала на бок, беспомощно дергая лапками. Подбежала перепуганная Гайка:

– Фокси?!

– Назад... – прохрипела летучая мышь, пытаясь оттолкнуть подругу. – Назад!

С огромным трудом одолев приступ тошноты, Фоксглав отползла подальше от страшных следов. Села, беспомощно уронив крылья, зажмурилась.

– Гайка, – хрипло сказала летунья, когда немного пришла в себя. – Дело плохо. Так плохо, что я даже не знаю, с чем сравнивать.

– Фокси, милая, о чем ты? – стараясь не паниковать, выдавила белая мышка.

Крылатая опустила голову.

– Я чувствую магию, – отозвалась еле слышно. – Страшную магию, изначальную.

– Магию?!

– Я в этом разбираюсь, подруга, – глухо сказала летунья. – Хотя о такой магии

раньше лишь урывками читала в колдовской книге Уинифри. Там говорилось, изначальная магия сгинула с лица Земли многие столетия назад, поскольку ни люди, ни зверьяне, не способны ей овладеть.

Гайка взъерошила волосы.

– А кто способен?!

Фокси беспомощно развела крыльями:

– Не знаю.

– Не знаешь?!

– В книге Уинифри больше половины страниц недоставало, она ее купила на распродаже у какого-то старьевщика.

Потрясенная Гаечка попятилась и вжалась спиной в мокрый ствол дерева. Яростно помотала головой, стиснула кулаки.

– Что могло случиться с ребятами?

Фокси с болью отвела взгляд.

– Ничего хорошего... – выдавила через силу.

– Они живы?!

– Конечно, живы! – летунья ударила обоими крыльями по ветке. – Но без нашей помощи, боюсь, не вернуться.

Гайка стиснула виски.

– Я не понимаю! Кто-то проник в Штаб посреди грозы и похитил ребят? Зачем?!

И почему они не тронули нас?!

Фокси, хрипло выдохнув, рывком встала на ноги.

– Это сейчас самый главный вопрос, – сказала она твердо. – Гая, поверь: колдуну, владеющему изначальной магией, мы все не более опасны, чем зубочистки. И столь же интересны. Должна быть причина; что-то, связанное именно с Чипом и Дэйлом!

Они с Гайкой переглянулись.

– Логика, – выдавила белая мышь. – Логика. Да, нужна логика. Что общего у ребят, и чего нет у нас?

Фокси нервно переступала с лапки на лапку.

– Они одного вида.

– Это нелогично, – возразила Гайка. – В парке водятся сотни бурундуков, и любого похитить в сто раз легче, чем Чипа и Дэйла из укрепленного, защищенного сигнализацией штаба.

– Они ведь не братья?

– Нет, даже не родственники.

Фокси сглотнула.

– А не мог кто-то из ваших старых врагов нанять колдуна?

Гайка отпрянула. Ее тонкий хвостик судорожно хлестал по сторонам.

– Н– нет, – выдавила с запинкой. – Тогда бы похитили нас всех.

– А где Рокки и Вжик?! – вскрикнула Фокси. Пискнув от страха, Гаечка бросилась в Штаб, летунья -за ней.

Задыхаясь, обе ворвались в спальню Рокфора и врезались прямо в сонного австралийца, сбив его с ног. Гайка тоже упала, а Фокси сумела устоять, замахав крылышками. Из наперстка, служившего ему кроватью, выглянул изумленный Вжик.

Рокфор пару секунд так и лежал на спине, моргая и глядя в потолок.

– Да– а... – пробасил он, наконец. – Девушки меня всегда любили, но что б так с разгона...

Гайка, помотав головой, вскочила на ноги:

– Рокки, ты в безопасности! – она чуть не всхлипнула от облегчения. – Кто-то похитил ребят!

– А– а– а?! – силач рывком сел. – Чего– чего– чего?!

Пока изобретательница рассказывала, Фокси, нервничая, подошла к окну. Зажмурилась, пытаясь привести мысли в порядок.

– Гайка, ты была в комнате Чипа и Дэйла? – позвала она, когда белая мышка завершила рассказ.

Изобретательница кивнула.

– Видела там беспорядок или следы борьбы?

– Господи, нет конечно! – Гайка вздрогнула. – Из записи ясно, что они ушли сами.

– А запаха ты в комнате не ощутила? – тихо спросила Фоксглав. – Такого же, как у разорванной рубашки?

Белая мышь растеряно помотала головой.

– Я не помню...

Рокфор, до сих пор ошарашенный новостью, крикнул и обрушил кулак на ладонь:

– Ну, когда я доберусь до этого колдуна, или как там... Когда мы его отыщем...

– Рокки, минутку! – взмолилась Гаечка. Она с тревогой смотрела на летучую мышь. – Фокси, ты единственная среди нас разбираешься в магии. Скажи, что делать?

Летунья опустила голову.

– Я не знаю, – выдавила через силу. – Мне известны лишь обрывки, жалкие крохи. Но одно могу сказать точно: мы найдем ребят, если догадаемся, почему колдун избрал именно их.

Встряхнувшись, она шагнула вперед.

– Гайка, ты бесподобно анализируешь данные, у тебя великолепная память. Навести всех, кто был знаком с Чипом и Дэйлом, расспроси их о прошлом ребят. Мы ведь, по сути, даже не знаем, где они родились, чем занимались до создания Спасателей! Надо отыскать ниточку – причина есть, ее просто не может не быть. Согласна?

Белая мышка кивнула.

– Я подключу к работе всех друзей...

– Отлично! – Фокси обернулась к Рокфору. – Рокки, я слишком мало знаю про изначальную магию. Мне потребуется помощь. Отыщи Кассандру!

Австралиец с горечью покачал головой.

– Когда я последний раз ее видел, она собиралась на гастроли в Европу.

– Значит, туда и полетишь! – сурово отозвалась Фокси. Оглядела друзей горящими глазами:

– Нам грозит не просто враг, – сказала негромко. – Это нечто древнее, очень древнее, и столь могущественное, что могло бы стереть весь Центральный Парк в порошок одним заклинанием. Мы для него не противники, даже не обуза – мы мухи... Без обид, Вжик?

Сидевший в наперстке крохотный Спасатель слабо помахал крылышками.

– Вжжз вж, – отозвался робко. Фокси вздохнула.

– Да... И все же, этому невероятно могущественному существу зачем-то потребовались два бурундука. Два вполне определенных бурундука. Пойдем, зачем – спасем друзей!

Рокфор прищурил глаза.

– А чем ты сама займешься?

Летучая мышь отвела взгляд.

– Навешу старую знакомую... – пробормотала нехотя.

С появлением плана, растерянность уступила место кипучей деятельности. Поскольку оба самолета и вездеход после ливня нуждались в ремонте, Рокфор сунул Вжика за пазуху и полез на вершину дерева «ловить попутную птицу». Гайка занялась срочным восстановлением энергоснабжения, ну, а Фокси... Летунье предстояла встреча с человеком, о котором она искренне надеялась больше никогда не вспоминать.

Женская тюрьма ГЗУ– 5190 располагалась за чертой города, в промышленном районе, изуродованном карьерами и серыми заводскими корпусами. Уродливые кубические здания были разбросаны по бесплодной земле безо всякой системы, четыре сторожевые башни щетинились автоматами. В этой тюрьме содержались не самые опасные преступницы, и кроме ограды с колючей проволокой да прожекторов, ее территорию ничто не отделяло.

Фоксглав порхала вокруг бетонных кубов в поисках форточек или открытых окон. К странной дневной летучей мыши уже не раз подлетали голуби – спрашивали, не заблудилась ли та сослепу... Один из пернатых, в конце концов, и подсказал, где искать злобную уборщицу– ведьму.

Когда Фокси нашла– таки камеру, Уинифри там не оказалось. Летунье пришлось еще немного полетать, прежде, чем она заметила старуху в прачечной. Угрюмая и сморщенная, Уинифри молча драила пол.

Фокси опустилась на какую-то трубу и задумалась, как начать разговор. Но ей не пришлось – старуха сама заметила гостью и растянула губы в недоброй ухмылке.

– Кого я вижу... – процедила с присвистом сквозь гниющие зубы.

– Привет, – вздохнула Фокси.

Уинифри выпрямилась, морщась от боли в спине, оперлась на швабру.

– Че, проведать явилась? Не особо верится!

Летучая мышь покачала головой.

– Я столкнулась с изначальной магией, – сказала коротко.

Уинифри моргнула.

– Бреешь.

– Если бы... – Фокси в двух словах рассказала об утренних событиях. Старуха с кривой ухмылкой почесала в затылке, ее спутанные, некогда рыжие космы изрядно поседели.

– Стал– быть, к новым знакомцам прибилась? – спросила насмешливо. – В дупле обитаешь?

– Речь не обо мне, – сухо отозвалась Фокси.

– Ага, вот мы как осмелели...

– Я уже давно не та глупая мышка, что собирала для тебя снадобья, – Фокси гневно прищурила глаза. – Я взрослая, и моя колдовская сила превосходит твою. У тебя никогда не было способностей к магии, Уинифри.

Старуха так стиснула рукоять швабры, что пальцы побелели. Долгую минуту стояла неподвижно, почти не дыша.

– Чего ж тогда притадилась? – спросила с неожиданной горечью.

Фокси вздохнула.

– Помоги вернуть друзей, и я вытащу тебя отсюда.

– Ась? – Уинифри отпрянула. – Поможешь сбежать? Ты, вся из себя такая правильная?

– Опомнись! – резко оборвала Фокси. – Посмотри вокруг! Сколько ты продержишься в бегах? Что станешь есть? Ты стара, немощна и бесполезна! – летучая мышь очертила крылом полукруг.

Старуха пошамкала челюстью.

– Ну и че предлагаешь? – спросила глухо.

– Новую жизнь, – спокойно отозвалась летунья. – Изначальная магия не имеет границ, сама знаешь. Сколько тебе лет? Восемьдесят?

– Семьдесят пять! – яростно оборвала Уинифри.

Фокси довольно кивнула.

– Вот. И ты беспомощная старуха. А превратишься в сову или ворону – станешь

молодой, полной сил птицей, у которой впереди еще два с половиной века. Что? – летунья усмехнулась при виде лица Унифри. – Лучше остаться уборщицей?

Старуха побледнела, как луна в вакууме, судорожно стиснула швабру. Молчала целую вечность.

– Почему мне знать, что ты слово-то удержишь? – прошипела она наконец.

– А я по-другому не умею, – просто ответила Фоксглав. Унифри опустила голову, нервно перебрала пальцами по швабре.

– Вороной, говоришь?

– Или совой. Магические птицы, в отличие от настоящих, действительно живут до трехсот лет.

– А коли не справишься с заклинанием?

– А что ты теряешь?

Унифри, вздрогнув, оглянулась на грязную тюремную прачечную. Ржавые трубы, разбитый кафель. Громадные (и очень вкусные, добавила бы Фокси) черные тараканы.

Старая ведьма с трудом перевела дух. Внезапно утратив силы, беспомощно облокотилась о стену, понурила голову.

– Спрашивай, – выдавила глухо.

Летунья вся подалась вперед:

– Почему колдун выбрал Чипа и Дэйла?

Унифри задумалась.

– Они в последние дни не вели себя странно? Не говорили о снах, или предзнаменованиях?

Фокси сильно вздрогнула.

– Дэйл выглядел очень испуганным, но ничего такого не рассказывал...

– Значит, его призвали, – холодно ответила Унифри. – Обычно дают девятидневный или шестидневный срок.

– Куда призвали?!

Старуха пожала плечами.

– На службу, – отозвалась спокойно. – Настоящая магия, она, сечешь, палка о двух концах. За все приходится платить. Я читала о колдунах, которым за каждый год

жизни приходилось расплачиваться одним учеником. И горе волшебнику, коли ученик окажется плох – Древних не проведешь...

– Древних? – Фокси вздрогнула.

– Угу, – старуха отвела взгляд. Летучая мышь сглотнула.

– Кто создал изначальную магию, Уинифри? – спросила напряженно.

Ведьма покачала головой.

– Нам не узнать. Древние скрываются от младших рас.

– Зачем им могли понадобиться два бурундука?!

Уинифри вскинула палец:

– Бурундуки никому не нужны. Они призвали именно твоего друга Дэйла, а уж он, кажись, по собственной воле захватил и второго. Видать, крепко сдружился, а?

Растерянная Фокси кивнула. Старуха недобро усмехнулась.

– Вот теперь и ищи ответ.

Летучая мышь беспомощно моргнула.

– Но Дэйл... Это смешно, он просто не мог быть связан с колдунами и ведьмами!

– А кто сказал, что он связан? – удивилась Уинифри. – Может, его прадед был связан, или двоюродный дедушка? Волшебники перемен не любят... – она покачала головой. – Коли в крови твоего Дэйла осталось хоть что-то, им важное, будь покойна: отыщут и через тысячу лет.

Старуха помолчала, со странным сочувствием глядя на потрясенную летучую мышь.

– Совет добрый хочешь? – буркнула Уинифри нехотя. Фокси с трудом кивнула.

– Не ищи колдунов в роду Дэйла. Не будет их там. Мелких зверьков наша братия магии не обучает, их только используют.

– Используют?!

– Ну да... – Уинифри вздохнула. – Как я тебя.

Летунья отпрянула. Лихорадочно размышляя, закуталась в крылья.

– Вот оно... – прошептала, дрожа. – Надо искать информацию о колдунах, что держали в услужении бурундуков!

Уинифри визгливо расхохоталась.

– Не смейся! – она замахала руками. – Бурундуков! Стал бы волшебник им хвосты мерять! – старая ведьма подалась вперед, опершись о швабру: – О, кстати... Я как помню твоего дружка, у него хвостик был не особо длинный, нет?

Фокси нервно кивнула.

– Это у них с Чипом наследственное.

– Уверена? – насмешливо спросила ведьма. – А может, все проще? От Северной Европы до Монголии, коли не знаешь, обитает единственный во всей Евразии подвид – сибирский бурундук. И отличается он от всех прочих как раз длиной хвоста...

Летунья в ужасе прижала крылья ко рту. Уинифри торжествующе кивнула:

– Вот тебе и ответ. К тому времени, как открыли Новый Свет, истинные чернокнижники давно все повывелись, а среди местных племен о такой магии и вовсе никто не слыхал. Тут больше по вуду да всяким духам... Мерзость! – она поморщилась. – Похоже, предки твоих друзей обитали в Европе. Там и ищи.

Пораженная Фокси зажмурилась от волнения. С трудом переведя дух, благодарно поклонилась старой ведьме:

– Спасибо. Коли отыщем ребят, я сдержу слово и подарю тебе новую жизнь.

Уинифри сварливо отмахнулась.

– Лети уж... Зверушка.

– До встреч! – Фокси распахнула крылышки и прынула в воздух. Форточка под потолком вела на свободу.

Снаружи все так же моросил дождь, низкие тучи обесцветили город. Редкие прохожие спешили по своим делам, прячась от неба под зонтами и клеенчатыми плащами, вдоль улиц сновали покрытые грязью машины. Еще на подступах к центральному парку Фокси с некоторым удивлением заметила большую стаю ворон, рассеявшихся по деревьям вокруг выключенного фонтана.

Не желая рисковать, летучая мышь снизилась и продолжила полет в тени кустов. До Штаба удалось добраться без приключений, если не считать встречу с растрепанной, угольно– черной пожилой вороной, которая сидела на одной из веток штабного дерева и проводила Фокси подозрительным взглядом.

Дома кипела работа: Гайка вытащила на посадочную площадку подмокшее «Крыло» и копалась в приборном отсеке. Появление крылатой подружки она встретила

вымученной улыбкой:

– Ну?!

Фокси кратко поведала о результатах беседы с Унифри. Услышав о европейских корнях Чипа и Дэйла, Гаечка недоверчиво провела по лицу лапкой.

– С ума сойти...

– В чем дело?

– Ты не поверишь, – Гайка нервно сцепила за спиной руки. – Я звонила в клуб «Желудь», просила навести справки, где сейчас Кларисса. Ну, помнишь, ребята рассказывали, как в юности увлекались одной бурундучихой... – Гайка смущенно отвела взгляд. Фокси закивала:

– Помню, помню. У Чипа даже где-то сохранилась ее фотография – вся такая пожелтевшая, будто из пятидесятих...

– Фокси, она и есть из пятидесятих, – тихо отозвалась Гаечка. – Менеджер клуба сказал, что Кларисса не выступала у них с 1952 года, и он даже не знает, жива ли она до сих пор.

Повисла тишина. Летучая мышка недоверчиво моргнула.

– Ты хочешь сказать, ребятам должно быть лет по семьдесят?!

– Больше, – выдавила Гаечка. – Чип однажды признался, что «за много лет» до встречи с Клариссой ухаживал за самочкой по имени Руби, но что-то у них не сложилось.

Фокси попятилась, затрясла головой:

– Не верю. Не верю! Они не могли обманывать нас все эти годы! Дэйл не мог!

– А они и не обманывали, – тихо отозвалась Гайка. – Просто не замечали.

Мышка с ужасом посмотрела в яркие глаза крылатой подруги:

– Чип и Дэйл не стареют... – прошептала со страхом.

Летунья просто села на хвостик там же, где стояла. Молчала целую минуту.

– Что ж, – выдавила, когда слегка опомнилась. – Это многое объясняет.

– В их прошлом сокрыта тайна! – Гайка с волнением заломила лапки. – Наверно, они заключили с Древними договор! И пришло время расплаты!!!

– Чушь! – отрезала Фокси, вскочив на ноги. – С приближением такого срока, мы давным-давно заметили бы странности в их поведении. Нет, Гая, тут сложнее... – она

царапнула коготками по ветке. – Ребята действительно ничего не подозревали до самых последних дней. Это значит, они такими родились.

Фокси вздрогнула, отступила на шаг.

– А еще это значит, – добавила растеряно, – что их родители тоже не стареют. И могут быть до сих пор живы...

Потрясенные, они с Гаечкой посмотрели друг на друга.

– Н– но... Чип и Дэйл даже не братья... – выдавила белая мышка. Фокси нервно потерла крылом об крыло.

– Уверена?

– Я сравнивала их ДНК! Там... – Гайка застыла. Ее глазки широко раскрылись, мышка пискнула от ужаса, поскользнулась и упала на ветку. Летунья поспешно подхватила ее крылом:

– Подруга, в чем дело?!

Гайка зажмурилась, яростно помотала головой. Провела лапкой по лицу.

– Н– ничего... – прошептала дрожащим голосом. – Д– дурацкая мысль.

Она заставила себя встать.

– Фокси, милая... – слабым голосом попросила Гайка. – Подождешь немного в гостинной? Мне надо кое– что проверить. Полчасика, не больше!

Летунья в глубокой задумчивости смерила Гаечку взглядом.

– У ребят что-то не так с ДНК?

Белая мышь нервно взъерошила волосы.

– Я должна проверить. Это... Важно.

Фокси медленно кивнула:

– Хорошо. Иди проверять, а я попытаюсь атаковать колдуна его же оружием.

Гайка моргнула:

– Это как?

Летунья покачала головой.

– Пусть мне и неподвластна изначальная магия, но в обычной я смыслю неплохо. Посмотрим, удастся ли мне выйти на след ребят при помощи колдовства. Я, вроде, читала как раз о нужном заклинании...

Неуверенно кивнув, изобретательница молча направилась к Штабу. Выглядела

она при этом так, словно уже через секунду позабыла и о словах Фокси, и о ней самой. Растерянная летучая мышь немного помедлила, но Гайка так и не обернулась. Вздохнув, Фоксглав ударила крыльями и спланировала к своему предусмотрительно распахнутому окну.

На сбор инструментов ушло несколько минут. Все подготовив и установив на столе хрустальный шар, который Дэйл когда-то выпросил у Кассандры, чтобы подарить Фокси на день рождения, летунья вернулась к посадочной площадке. С величайшей осторожностью, соскребла серебряной лопаточкой немного потемневшей древесины. Ее мутило даже от запаха, хотя ни Гайка, ни Рокки, ничего не чувствовали.

Вернулась в комнату, задернула шторы. Поместила образец в серебряную миску. Свечу из черного воска Фокси хранила, скорее, как сувенир – не ожидала, что придется когда-то использовать...

Летучая мышь установила между собой и миской вогнутое зеркало, а с другой стороны – посеребренную ширмочку, так, чтобы видеть в хрустальном шаре только отражение потемневшего дерева, но не его само. Зажгла свечу, поместила ее точно за шар. Искаженное хрусталем, плотоядно извивающееся пламя заполнило комнату причудливыми тенями.

– Гарр и'х нгол'х, гарр ктпак п'гут... – сосредоточенно начала Фокси, с каждым словом чувствуя растущее напряжение энергий. Даже крохотная частичка дерева, соприкоснувшегося с врагом через посредника в виде дождевой воды, обрела тошнотворную, жуткую мощь. О способностях самого колдуна не хотелось даже думать.

– ...дх'ушту дх'машту, дх'ушгдак дх'магд! – слегка дрожащим голосом Фокси окончила заклинание, и с воплем провалилась во вспыхнувший над столом огненный колодец.

Очнулась от глухой, ноющей головной боли. Некоторое время лежала молча, пытаясь хоть что-то понять. Небо над головой больше не было пасмурным – стояло раннее утро, рассвет превращал облака в бесподобные золотые слитки.

Ошарашенная Фокси привстала на крыле и медленно огляделась, напрягая всю волю чтобы не удариться в слепую панику. Она лежала на полосатом матерчатом навесе посреди средневекового рынка. Вокруг стоял гомон, сотни продавцов и

покупателей спорили, яростно торговались, приценивались, ругались. В том ряду, где очутилась Фокси, продавались овощи.

«Где я? Что происходит?!» -застонав, летунья накрылась крыльями. Сердцем она уже понимала, что происходит, но верить еще не получалось. Судорожно переведев дух, Фокси осмелилась чуточку поднять крыло и бросить наружу робкий взгляд.

К навесу, где она лежала, как раз подошла бедно одетая старуха с маленькими красными глазками, острым, сморщенным от старости личиком и длинным—предлинным носом, который спускался до самого подбородка. Старуха опиралась на костыль, и удивительно было, что она вообще может ходить: она хромала, скользила и переваливалась, точно у нее на ногах были колеса. Казалось, она вот— вот упадет и ткнется своим острым носом в землю.

Люди смотрели на старуху со смесью любопытства и омерзения, но Фокси была колдуньей, и то, что видела ОНА, привело бы в безмерный ужас и бесстрашного рыцаря, и королевского мага. Фокси смотрела на необъятного, величиной со стадион черного спрута, раскинувшего свои призрачные щупальца над рынком. Тошнотворный хоботок чудовища тянулся далеко вниз, погружаясь старухе в загривок, по коже ведьмы пробегали невидимые простым людям складки. От ужаса Фокси оцепенела, ее сердечко почти остановилось. Быть может, это ее и спасло, ибо спрут не обратил внимания на неподвижную летучую мышь.

Старуха, тем временем, подошла к навесу вплотную:

– Это вы Ханна, торговка овощами? – спросила она скрипучим голосом, все время тряся головой.

– Да, – слышался голос снизу. Саму торговку Фокси видеть не могла, та сидела под навесом. – Вам угодно что-нибудь купить?

– Увидим, увидим, – пробормотала старуха. – Зелень поглядим, корешки посмотрим. Есть ли еще у тебя то, что мне нужно...

Она нагнулась и стала шарить своими длинными коричневыми пальцами в корзине с пучками зелени, Брала то один, то другой, подносила к уродливому носу и обнюхивала со всех сторон.

Переворошив всю зелень, старуха выпрямилась и проворчала:

– Плохой товар!.. Плохая зелень!.. Ничего нет из того, что мне нужно. Пятьдесят

лет назад было куда лучше!.. Плохой товар! Плохой товар!

Фокси от ужаса не могла даже вдохнуть – чудовищный призрачный спрут колыхался прямо над ней. Но люди ничего не замечали, так что ведьма им казалась какой угодно, только не страшной.

– Эй ты, бессовестная старуха! – прозвенел детский голосок из– под навеса. – Перенюхала всю зелень своим длинным носом, перемяла корешки корявыми пальцами, так что теперь их никто не купит, и еще ругаешься, что плохой товар! У нас сам герцогский повар покупает!

Старуха бросила на невидимого летунье мальчика косой взгляд:

– Тебе не нравится мой нос, мой нос, мой прекрасный длинный нос? И у тебя такой же будет, до самого подбородка... – сказала хриплым голосом.

Подошла к другой корзине, с капустой, вынула из нее несколько кочанов и так сдавила их, что те жалобно затрещали. Старуха побросала кочаны обратно в корзину:

– Плохой товар! Плохая капуста!

– Да не трясись ты так противно головой! -закричал мальчик. – У тебя шея не толще кочерыжки, того и гляди, обломится, и голова упадет в нашу корзину! Кто у нас тогда что купит?

– Так у меня, по– твоему, слишком тонкая шея? – сказала старуха, все так же усмехаясь. – Ну а ты будешь совсем без шеи... Голова будет торчать прямо из плеч!

– Не говорите мальчику таких глупостей! – возмутилась торговка Ханна, не на шутку рассердившись. – Если хотите что-нибудь купить, так покупайте скорей. Вы у меня разгоните всех покупателей.

Старуха сердито поглядела на женщину.

– Хорошо, хорошо, – проворчала она. – Пусть будет по– твоему. Я возьму эти шесть кочанов капусты. Но только у меня в руках костыль, и я не могу сама ничего нести. Пусть твой сын донесет мне покупку до дому. Я его хорошо награжу...

«Не ходи с ней!!!» – хотела закричать Фокси, но страх сковал ей язык, да и человек все равно не услышал бы голосок летучей мыши. Мальчик внизу заплакал, он боялся. Но Ханна строго приказала ему слушаться; ей казалось неприличным заставлять хромую, слабую старуху нести такую тяжесть. Вытирая слезы, мальчик положил капусту в корзину и пошел следом за ведьмой.

Фокси дрожала. Чудовищный спрут, не спеша, удалялся вместе со старухой, и чем дальше он улетал, тем быстрее к летунье возвращались силы. Она понимала, что смотрит на трагедию, произошедшую столетия назад, и что помочь ребенку невозможно, однако остаться на месте просто не могла. Трепеща от ужаса и собственного безрассудства, летунья с трудом расправила крылышки и робко, от навеса к навесу, последовала за ведьмой.

Та брела не очень-то скоро, и прошел почти час, пока они добрались до дальней улицы на окраине города и остановились перед маленьким полуразвалившимся домиком.

Старуха вынула из кармана заржавленный крючок, ловко всунула его в дырочку на двери, и дверь с шумом распахнулась. Ведьма вошла первой; мальчик, утирая слезы, прошел следом. Фокси едва успела впорхнуть в дом, прежде чем дверь сама затворилась, и чуть не рухнула от изумления: потолки и стены были мраморные, кресла, стулья и столы – из черного дерева, украшенного золотом и драгоценными камнями, а пол оказался стеклянным.

«Тот самый дворец, что я видела во сне!!!» – с ужасом поняла Фокси.

Старуха приложила к губам маленький серебряный свисток и как-то по особенному, раскатисто, свистнула – да так, что свисток затрещал на весь дом. И сейчас же по лестнице сбежали вниз странные морские свинки, они ходили на двух лапках. Вместо башмаков, зверюшки носили ореховые скорлупки, и одеты эти свинки были совсем как люди.

– Куда вы девали мои туфли, негодницы! -закричала старуха и так ударила свинок палкой, что бедняжки завизжали. – Долго ли я еще буду здесь стоять?!

Свинки побежали вверх по лестнице, принесли две скорлупки кокосового ореха на кожаной подкладке и ловко надели их старухе на ноги.

Ведьма сразу перестала хромать. Она отшвырнула свою палку в сторону и быстро– быстро заскользила по стеклянному полу, таща за собой мальчика. Фокси хотела было лететь следом, но тут – невозможно! – ее заприметила одна из морских свинок.

– Кто ты?! – удивленно спросил разодетый зверек. Летунья от неожиданности потеряла поток и позорно свалилась на зеркальный пол, проехавшись по скользкому

стеклу почти до стены.

– Ты меня видишь?! – прохрипела она, не в силах поверить. – Ты не можешь меня видеть!!! Меня не было здесь в ваше время!

Морская свинка надменно фыркнула.

– Новенькая, да? – спросила снисходительно.

Потрясенная Фокси каким-то чудом нашла в себе силы кивнуть.

– Ты должна показаться герру зрителю, -заявила морская свинка. – Фриц! – она пнула молоденького сородича, озадаченно глазевшего на Фокси. Тот взвизгнул. – Отведи новенькую к господину Бёкенхьоршену, подумайте только, какой срам, она совсем голая! – свинка сморщила нос. – Да, и пусть отмоеся в розовой воде... Ах, эта вонь...

«Моя косметика – вонь?!» – чуть не заорала Фокси, но вовремя прикусила язык. Скромно потупив взор, она поклонилась, стараясь изобразить крыльями реверанс.

– Ужас, – прокомментировала свинка. – Манеры, как у деревенщины, внешность, как летучей мыши и хвост, боже мой, этот хвост!

Фокси моргнула.

– А– а... Что с моим хвостом? – спросила растеряно.

– Его видно! – взвизгнула морская свинка. – Какой срам! Уведите ее, скорее, уведите, ах, мои глаза...

Окончательно растерявшись, Фокси безропотно позволила молодому Фрицу увлечь себя в низенький коридор за лестницей. От количества потрясений, у летучей мышки кружилась голова и подкашивались лапки, не то она бы непременно заметила, что общается с прислугой не на английском, а на старонемецком языке.

Кабинет зрителя был обставлен не столь роскошно, как комнаты ведьмы, но по меркам зверян – это было нечто запредельное. Золоченые канделябры, шторы из пурпурного бархата, мраморные колонны, а посреди всего – настолько монолитный стол красного дерева, что любой посетитель еще в дверях был обречен узреть собственную ничтожность.

Фокси, впрочем, на роскошь едва обратила внимание; ее потряс сам герр зритель. Если б не косая полоса седой шерсти поперек груди, летунья могла бы поклясться, что смотрит на Дэйла. Чуть постаревшего и располневшего, но,

несомненно, Дэйла – правда, одетого в строгий темный кафтан, скорлупки– башмачки и... парик. Самый настоящий, завитой белый парик, словно в костюмированной драме. Фокси едва удержала истерический хохот.

– Вот, господин Бёкенхьоршен, новенькая, – робко сообщил Фриц, толкнув ее вперед.

Двойник Дэйла подправлял себе коготки золоченой пилкой. Появление гостей вызвало на его мордочке выражение досады.

– Отведи на кухню, пусть вымоется, – буркнул он, не повернув головы. – Затем определи в подвал, к чистильщицам обуви.

Фриц нервно переступил с лапки на лапку.

– Господин Бёкенхьоршен, тут такое дело... Нет у нее лап, чтобы обувь чистить... И вообще она, ммм... Голая...

– Никакая я не голая!!! – взорвалась Фокси. – У меня прекрасная фиолетовая шерстка!!! И я не воняю, а пахну шикарными духами «ТиБэт»!!!

Герр смотритель, тяжело вздохнув, отложил пилку и соизволил обратить к новоприбывшей глаза. Смерил ее таким взглядом, что летунья на миг действительно ощутила себя обнаженной и, лишь с трудом, подавила порыв закутаться в крылья.

– Кхм, кхм... – господин Бёкенхьоршен откашлялся. – Вы, милочка, из какой страны были призваны? Мне, кхм, любопытно, ибо я прежде не слыхал о королевстве, где люди ходили бы, кхм, лишь в естественной шерстке.

– Я не человек, а летучая мышь!

– Ну да, да, – согласился герр смотритель. – Но в нашем, видите ли, как бы сказать помягче... Не самом одичалом краю, принято верить, что смена облика не отменяет все, простите, нормы приличия.

Он склонил голову набок и прищурил один глаз, став в этот миг столь похожим на Дэйла, что Фокси содрогнулась.

– Вы, надеюсь, носили платье, прежде чем были призваны? – спросил Бёкенхьоршен с легкой насмешкой. – Так что ж с тех пор изменилось? Ах, да, простите, у вас выросли крылья! Это, кхм, обязует всех нас любоваться на сие чудосочное, уродливое тельце?

От возмущения, летунья даже забыла, что все вокруг происходит во сне.

Разъяренная, она вспорхнула на гигантский стол и скрестила на груди крылья, в бешенстве уставившись на герра зрителя.

– Я родилась летучей мышью, всегда была летучей мышью и намерена ею остаться, – отчеканила разгневанная Фоксглав. – А вы, вы смешны в жалком подражании людям! Этот нелепый парик!!! – она даже подпрыгнула от возмущения. – Видели бы вы себя в зеркало!!!

Бёкенхьоршен невозмутимо выдвинул ящик стола и вынул роскошное зеркальце слоновой кости. Косо взглянул на летунью.

– Мой парик, милочка, отражает мое социальное положение, -заметил спокойно. – Прежде, чем оказаться на службе у госпожи, я был судьей в славном городе Дрездене. И вздумай я посетить зал суда, кхм, в своей натуральной шерстке... – он тактично рассмеялся. – А вы, похоже, и впрямь возомнили себя зверем, юная леди?

Фокси отпрянула.

– Что значит, возомнила? Я разумная летучая мышь, мы зовем себя зверянами!

Герр зритель переглянулся с растерянным Фрицем.

– Она не помнит, – Бёкенхьоршен безнадежно закатил глаза. – Узнаю почерк Веттербока.

– Лазутчица?! – Фриц отпрянул.

– Да полно, какая из нее лазутчица, – герр зритель снисходительно улыбнулся. – Просто топорная магия... – он обернулся к растеряно слушавшей Фокси. – Милочка, боюсь, мне придется вас огорчить. Разумных зверей не бывает. Есть люди, по тем либо иным причинам обращенные могущественными колдунами в зверей.

Бёкенхьоршен вздохнул.

– Вот Фриц, например, будет в услужении всего четыре года, после чего вернет себе человеческий облик, а также, надеюсь, слегка поумнеет... Я же, увы, задолжал госпоже целых пятьсот пятьдесят пять лет, – герр зритель опустил голову. – Боюсь, стать человеком вновь я уже не успею.

В душе Фокси взорвался яркий шар. Все моментально стало на свои места – и сходство Бёкенхьоршена с Дэйлом, и таинственное ночное похищение, и привычка ребят носить одежду, и даже происхождение разумных зверян! Качнувшись от шока, летучая мышь в ужасе уставилась на зрителя:

– На службе у госпожи не стареют? – прошептала с трудом.

Бёкенхьоршен вздохнул:

– Нет, не стареют, но лишь пока длится ваш срок. Стоит ему закончиться, как вернутся пропущенные годы, что в моем случае, полагаю, будет означать мгновенную смерть.

Он прищурил глаза:

– Так откуда, напомните, вы были призваны?

Фокси, беспомощно пискнув, села на хвост.

– Я не знаю, как объяснить, – выдавила. – Я колдунья. Не такая, как ваша госпожа, конечно, но тоже кое– что умею... Сейчас, меня здесь нет. Я лежу в дупле старого дуба на другом конце мира, через пять– шесть веков в будущем, и вижу магический сон про ваше время.

Она сглотнула.

– Там, дома, я дружна с двумя замечательными бурундуками, и недавно одного из них... Призвали. Сейчас я понимаю: он ваш прямой потомок, и должен вас заменить.

– Мой потомок? – переспросил озадаченный смотритель. – Вы имеете в виду, потомок этого ТЕЛА?! – он недоверчиво посмотрел на свои лапки. – Милочка, не знаю, какую именно травку дал вам понюхать Веттербок, но уверяю, что влечения к самкам бурундуков я не испытываю, и никаких «потомков» у этого жалкого грызуньего обличья не будет! – прогремел Бёкенхьоршен, медленно вставая из-за стола. – Такого оскорбления я не получал еще никогда! Вам придется ответить за свои слова, милочка! И ответить горько!

Он поднял серебряный колокольчик. В кабинет тут же вбежало несколько вооруженных дротиками крыс в одежде, напоминавшей экипировку городской стражи.

Бывший дрезденский судья рывком указал на испуганную летучую мышшь:

– Отведите эту мерзкую тварь в подвал и вырвите ей язык!

– Что?! – Фокси попяtilась, но не успела даже обернуться. Вышколенные и сильные, крысы мгновенно стащили ее со стола, скрутили, вжали лицом в мраморный пол. Разъяренный герр смотритель отмахнулся:

– Исполняйте.

– Что вы делаете?! Не надо! Отпустите!!! – Фокси забилась. Ее протащили по

всему коридору к мрачной, обитой железом двери в подвал. Когда створки распахнулись, из полумрака на перепуганную летунью дохнуло сыростью. От ужаса у нее помутилось в глазах:

– Разбудите меня!!! РАЗБУДИТЕ!!! НЕТ!!! НЕЕЕЕЕТ!!! – Фокси бешено трепыхалась. Ее стащили вниз по влажной лестнице, бросили на грязный, покрытый липким налетом пол. Ухмыляющаяся крыса вдавила колено ей в живот.

– Ротик раззявь, да? – один из стражников схватил Фокси за горло и так сдавил, что у несчастной летуньи рефлекторно приоткрылась пасть. Другой, сняв с пояса кинжал, сунул грязную кисть прямо Фокси в рот.

– Ну, ну, не упрямься... – крыса криво усмехнулась. – Будет чуть– чуть крови...
Задыхающаяся, неспособная даже кричать, крылатая в отчаянии зажмурилась. Но вместо огненной вспышки боли и бурлящего, захлебывающегося хрипа, она ощутила могучий удар, буквально снесший с ее груди палача. Следующий удар расшвырял остальных крыс: находящаяся на грани безумия, Фокси смутно видела в полумраке подвала что-то огромное, когтистое, яростное.

Неведомый спаситель подхватил ее обмякшее тельце, забросил на мускулистую спину.

– Держись! – рявкнул так, что Фокси едва не оглохла. Летунья инстинктивно вцепилась в грубоватую серую шерсть, и вовремя: демон вскинул голову и холодно, мертвым голосом произнес:

– Мутабор.

В тот же миг подвал, полумертвые крысы и факелы – все завертелось в огненном колесе, а спустя еще мгновение, Фокси упала на пол собственной комнатки в Штабе.

Судорожно пискнув, она отползла в угол и сжалась, лихорадочно озираясь. Живот, куда крыса– стражник вдавила колено, страшно болел, вся шерстка была измазана липкой грязью. Хрустальный шар на столе раскололся.

Прошло несколько минут, прежде, чем к Фокси вернулся разум. С огромным трудом поднявшись на ноги, она едва доковыляла до ванной, и там ее вырвало. Зажмурившись, трясущаяся от шока, летучая мышка вжалась спиной в холодный кафель.

Прошло еще некоторое время. Ослабевшая так, что кружилась голова, Фокси

крыльями втащила себя в душ и застыла под потоком горячих брызг. Вода смывала липкую грязь, затхлый подвальный смрад, кошмарные картины. Фокси вспомнила, как ухмыляющаяся крыса сунула лапу ей в рот, и бедняжку вторично стошнило прямо в душе. Лапки не держали от слабости; Фоксглав была вынуждена присесть, облокотившись о мокрую дверцу.

Сколько прошло времени, она не знала – в голове вертелся мутный мохнатый куб. За годы в команде Спасателей, Фокси и ее друзьям не раз грозила опасность, зачастую смертельная, но после сегодняшнего подвала – после жуткой, всепожирающей ясности, что ЭТО КОНЕЦ, и никакие крики не помогут – летунья твердо поняла: до сих пор, ее приключения больше напоминали мультфильм, чем реальность. Одна эта мысль, сама по себе, уже пугала сильнее, чем любая из прошлых угроз.

Горячая вода текла по шерсти, перепонке, трясущимся крыльям. Медленно, чертовски медленно, шок отпускал, сердцебиение успокаивалось. Фокси еще боялась вызывать в памяти подробности ее самого страшного приключения, но одна деталь сумела отодвинуть на задний план даже страх. Подняв перед глазами свои изящные перепончатые крылышки, Фоксглав недоверчиво на них посмотрела.

– Человек... – прошептала она, дрожа. – Кто-то в моем роду был заколдованным человеком!

Выходит, и прочие зверяне возникли с помощью колдовства. Значит ли это, что всех их можно... РАСКОЛДОВАТЬ?!

Фокси зажмурилась, яростно укуталась крыльями. Надо забыть, решила она твердо. Немедленно. Выжечь ядовитую память каленым клинком. НИКОГДА, никто не должен проведать об этой чудовищной тайне. Потому что последствия... Для такого, даже слово «катаклизм» окажется слишком мягким...

Потихоньку ясность рассудка возвращалась, Фоксглав даже сумела расслабиться. Шелест горячей воды замечательно успокаивал. Она знала, что еще долгие недели будет просыпаться в поту, трепетать при виде любой железной двери, шарахаться от крыс, даже от Спарки... Пока воспоминания не утратят их огненной, жалящей яркости. Пока организм не объявит войну беспощадной памяти.

Но терять волю и тратить время на кошмары было преступно. Фокси вспомнила,

что Дэйл, ее милый, наивный Дэйл, прямо сейчас, быть может, входит в тот самый зловещий дворец, что снаружи выглядит полуразрушенной хибаркой. Эта мысль придала летунье столько сил, что она даже сумела встать на ноги.

Отключив воду, Фокси выбралась из душа и несколько минут, тяжело глотая воздух, стояла под вентилятором, пока собранный Гаечкой фен сушил ее шерстку. Летунья с глубочайшим изумлением поймала себя на мысли, что надо бы одеться, а не ходить голой – большинство зверян женского пола, по неизвестной причине, испытывали такие же чувства, например Гайка.

– Я покрыта прекрасной фиолетовой шерсткой, – процедила Фокси сквозь зубы.
– И если у кого-то с этим проблемы, их дело. Точка.

Рассерженная сама на себя, она вышла из комнаты. Коридор больше не напоминал ручей, восстановленное Гайкой электроснабжение позволило ей осушить все подмоченные этажи. Фоксглав поднялась по лестнице в главный зал.

На диване, у гигантского телевизора, потеряно сидела белая мышка. Пол перед ней устилала распечатки генетических пар – «как же они издали похожи на код Матрицы!» – с удивлением подумала Фокси.

– Подруга? – тихо позвала летунья, подойдя ближе. – Все хорошо?

Гайка сильно вздрогнула и обратила к Фокси слезящиеся, покрасневшие глаза. Летучая мышка присела на диван рядом.

– Ты в порядке? – спросила ласково, накрыв Гайку теплым крылом. – Не плачь. Не плачь...

Изобретательница беспомощно всхлипнула.

– Радиальная симметрия, – прошептала хрипло. – Фокси... Радиальная симметрия.

Летунья глубоко вздохнула.

– Что это значит?

Гайка сжалась.

– Чип и Дэйл не братья, – выдавила через силу. – Даже не родственники. Потому что они вообще не два разных бурундука. Их гены обладают радиальной симметрией – будто кто-то разрезал единое ДНК на две половинки, и дособирил недостающие пары из их же зеркально отраженных копий.

Гайка в ужасе посмотрела на Фокси.

– Чип и Дэйл – антиблизнецы. В смысле, все общие для братьев цепочки у них повторяются в зеркальном отражении. Потому-то мои предыдущие тесты и давали такой разброс.

Крылатая зажмурилась, глубоко вдохнула.

– Гайка... – сказала тихо. – Твое открытие поразительно...

– Я знаю, – всхлипнула белая мышка.

– ...но уже ничего не меняет, – глухо закончила Фокси. Изобретательница встрепенулась:

– То есть?!

Тяжко вздохнув, летунья начала рассказ. Гайка то бледнела, то краснела, то в ужасе вскидывала лапки ко рту, то гневно сжимала коготки. Когда Фокси умолкла, изобретательница зажмурилась и целую минуту сидела в неподвижности.

– Так... – прошептала она, наконец. – Та– ак. Кажется, я догадываюсь, каким образом «общий» предок ребят раздвоился на Чипа и Дэйла.

Фокси вздрогнула:

– Гая?

Белая мышка горько улыбнулась.

– Я тут ломала голову, чертила конструкции генетических сепараторов... А на самом деле, наверно, какой-то бурундук просто взглянул в магическое зеркало...

Фокси опустила голову.

– Вполне возможно, – отозвалась нехотя.

Гайка спихнула с колен толстую кипу распечаток, встала на ноги.

– И что мне теперь делать? – спросила глухо. – Строить самолеты в мире, где возможны летающие ковры?

Фокси отпрянула.

– Гая, подруга, но ты же всегда знала – магия существует! Я сама волшебница, хоть и не слишком, как видишь, умелая.

– Дело не в магии, – процедила сквозь зубы Гаечка. – До сих пор, я жила в рациональном мире, где если и происходило нечто сказочное – это казалось крохотным исключением, незаметным изъяном в сверкающе–стройном механизме Вселенной.

Она топнула лапкой.

– Мы смеялись над Рокфором, когда тот уверял, будто его хвост предсказывает погоду! Вся магия так называемой «колдуньи» Уинифри сводилась к пиротехнике и чуточке химии! А сейчас, что же выходит?! Два наиболее дорогих мне существа, черт побери, оказались магически раздвоенным непонятно кем?!

Фокси с трудом улыбнулась.

– Гая, – сказала ласково. – Когда-то мы все были «раздвоены». И наши половинки хранились в родителях. От того, что у Чипа с Дэйлом был общий отец, они для нас не изменятся ни на йоту. Опомнись, подруга. Если завтра окажется, что я вообще не летучая мышь, а заколдованная драконесса – разве это изменит мою личность, характер, душу? Разве для тебя я превращусь в чудовище?

Белая мышка содрогнулась, закрыла лицо лапками. Долго стояла, глубоко и равномерно дыша.

– Прости, – выдавила она наконец. – Прости, Фокси. Мне плохо, сердце болит. Запуталась я...

Летунья обняла ее крыльями.

– Все хорошо, – сказала с бесконечной лаской. – Все будет хорошо, родная. Пусть даже мы и живем в волшебной стране – ну– ка, вспомни, что самое главное в любой сказке?

Гайка всхлипнула.

– Что?

– Добро всегда побеждает зло, – тихо, но очень серьезно отозвалась Фоксглав.

Они помолчали, думая о своем. Наконец, тяжело вздохнув, Гаечка развела объятия крылатой подруги.

– Спасибо, – сказала тихо. – Спасибо, милая. Только... Ты ведь не драконесса, правда?

Фокси слабо улыбнулась.

– Кто знает? – она пожала крыльями. – В этом безумном, безумном, безумном мире, разве можно быть в чем то уверенным...

Летунья подошла к окну. Окинула пасмурное небо над парком совсем другим взором. Здесь ничто не изменилось, будто замерло само Время. Все так же моросил

дождь, вдали по улицам сновали машины. Стая ворон до сих пор отдыхала на деревьях вокруг фонтана.

– Я беспокоюсь о демоне, что вырвал меня из колдовского сна, – тихо сказала Фокси. – Он не мог быть рожден моим подсознанием. Слишком уж... в последний момент вмешался. Гайка, я чувствую напряжение, воздух пахнет тревогой. Мне постоянно хочется оглянуться. Боюсь, похищение ребят привлекло внимание другого волшебника...

Белая мышка издала нервный смешок.

– А что, вполне логично! У нас тут, в Нью-Йорке, богатая популяция, колдуны так и кишат!

– Я не шучу, – резко отозвалась Фоксглав. – У меня нет доказательств, только инстинкты. А инстинкты в таком деле, подруга, сродни уликам.

Она переступила с лапки на лапку, зябко укуталась крыльями.

– Надо лететь в Германию, – сказала мрачно. – Ребята где-то там.

Гаечка кивнула:

– Верно. Но сначала... Стой тут, не шевелись! – мышка бегом кинулась к лестнице в мастерскую. Слегка озадаченная, Фокси наострила огромные уши, но Гайка уже возвращалась. В лапках она держала что-то большое, блестящее и – на вид – очень технологичное.

– Повернись, – приказала изобретательница удивленной летунье. – И не бойся, может капельку ущипнуть...

– Ай!!! -завопила Фоксглав, ощутив сильный укол в бедро, у самого хвостика. – Гайка?!!

– Все, все, уже все, – белая мышка поспешно отступила назад. – Извини.

– Что это значит?! – летунья изогнулась, пытаясь увидеть место укола. – Больно же!

Гаечка вздохнула.

– Прости, Фокси, но больше я терять друзей не намерена.

– А– а?!

Мышка показала ей аппарат, что принесла из мастерской; вблизи стало видно, что это нечто вроде инъектора с электронным прицелом и кучей блестящих

приспособлений. Не на шутку испуганная, Фоксглав подняла глаза на подругу:

– Гая...

– Я ввела тебе под кожу нанотрекер, – объяснила изобретательница. – Такой уже есть и во мне, а Рокфору я введу, как только он вернется. Вот с Вжиком, боюсь, не получится... Малыш слишком крохотный даже для нанотехнологий... – мышка вздохнула. – Я работала над этой штукой несколько месяцев.

Фокси попятилась.

– А что делает твой... трекер? – спросила нервно. Вместо ответа, Гайка молча подошла к громадному телевизору, занимавшему одну из стен главного зала, включила его и подсоединила сбоку витой кабель. На экране появилась детальная карта Центрального Парка.

– Вот ты, – Гаечка указала на мигающую лиловую точку. – А вот я, – почти вплотную к лиловой, мерцала белая. – Вообще-то, идея была пометить Толстопуза, Нимнула и прочих известных злодеев, чтобы всегда знать их координаты. Но сейчас куда важнее знать координаты друг друга... – Гаечка с болью опустила голову. – Отслеживание работает по всей планете, даже в туннелях и зданиях: я подсоединилась к военной спутниковой сети.

От изумления, Фокси просто открыла пасть и некоторое время, моргая, глядела на карту. Наконец, придя в себя, с трудом откашлялась.

– А– м... М– м– м...

– Не бойся! – поспешила Гаечка. – Нанотрекер так мал, что его даже невозможно увидеть без микроскопа, не говоря уж о том, чтобы извлечь. Ни один хирург не сумеет!

Несчастная Фокси только и сумела пискнуть.

– А... А ты сама сумеешь? – спросила растеряно. Гайка моргнула:

– Я? Нет, конечно! Я механик, не врач.

– Так эта штука теперь во мне навсегда?!

Счастливая белая мышка кивнула:

– Разумеется! И представь, у нее никогда не закончится энергия: я приделала к радиомодулю микротурбину, работающую от кровотока!

Потрясенная Фокси качнулась, едва не потеряв равновесие.

– Гайка... – пробормотала она хрипло. – А если кто-то не хочет, чтобы за ним следили день и ночь?..

– Привыкнет, – отрезала белаямышь. – Зато больше не потеряется. Если б я пораньше снабдила ребят такими трекерами, сейчас Чип и Дэйл были бы здесь!

Летунья, застонав, накрыла голову крылом.

– Гая... Милая, нам предстоит серьезный разговор...

– На споры времени нет, – возразила Гаечка. – Я позвоню Рокфору. Они с Вжиком отправились на поиски Кассандры, теперь в этом нет необходимости...

Фокси, сглотнув, взяла себя в лапки и вскинула крыло:

– Не торопись, – буркнула, стараясь не думать о невидимом шпионе. – Кассандра многое знает, ее советы всяко не окажутся лишними. А еще – у меня есть идея, как найти ребят.

Гайка встрепенулась:

– Я слушаю?

– Потребуется навестить моего старого знакомца, удава по имени Бад. Он поселился в бывшей коморке Унифри.

– Зачем? – удивленно спросила Гаечка.

Летучаямышь помолчала.

– Бад змей. То есть, гипнотизер от природы. Я хочу, чтобы он ввел меня в транс и заставил нарисовать максимально точное изображение улицы, где стоял дом колдуньи.

Фокси вздохнула.

– А дальше, мы поищем в Интернете похожие фотографии.

Гайка приоткрыла рот.

– А– а– а... Мы будем гуглить жилище злой волшебницы?

– Ну да, – Фокси моргнула. – А что?

– Нет, ничего! – Гаечка нервно взъерошила волосы. – Все нормально. Я... Я... Я, пожалуй, вернусь к ремонту самолета, да, самолета. Его отремонтировать надо, – белаямышь рассеяно покрутила в воздухе лапкой. – Удачи с удавом и попугаями...

– Какими попугаями?!

– Которых тридцать восемь, – пробормотала Гайка, шагая к дверям.

Озадаченная Фокси проводила ее долгим взглядом, покачала головой и выпорхнула в окно. Штаб опустел.

Нанотрекер изрядно подпортил летучей мышке настроение. Чтобы забыться хоть ненадолго, она принялась кругами набирать высоту – Фокси хотелось взлететь над тучами, увидеть Солнце. Вскоре она достигла нижнего края облаков и погрузилась в холодный мокрый туман. Летунья упрямо била крылышками, время от времени посылая в пустоту сонарные волны.

Когда эхо очертило впереди нечто объемное, Фоксглав среагировала не сразу. Машинально, еще раз отправила в том направлении луч сонара, но объект исчез. Летучая мышь нервно огляделась.

«Птица?» – успокаивая саму себя, подумала Фокси. Просто большая птица...

Внезапно, порыв ветра наполнил ее крылья, завертел, будто сухой осенний лист. Летунья потеряла ориентацию, испуганно пискнула. Но ветер, к счастью, столь же быстро утих – и вновь потянулся унылый серый туман, без конца и края, без тепла и света.

«Солнце может и подождать...» – с легкой дрожью решила Фоксглав, остановила взмахи и перешла в крутое пике.

Тучи редели с каждой секундой. Воздух становился теплее, внизу уже виднелись просветы. Набирая скорость, как атакующий сокол, Фоксглав вырвалась из тумана – и чуть не лишилась рассудка.

Поскольку под облаками больше не было дождливого города. Летучая мышь парила на огромной высоте, а внизу, во все стороны за горизонт, простиралась неведомая страна.

У Фокси помутилось в глазах. Зажмурившись, она инстинктивно переключила «зрение» на сонар, надеясь, что галлюцинация исчезнет, но эхо не возвращалось – до земли было слишком далеко.

Летучей мышке пришлось напрячь всю волю, чтобы вновь разомкнуть веки. Судорожно дыша, она принялась озираться.

– Светлое небо... – прошептала шокированная Фокси. – Где я?!

И тут же, в глубине собственного разума, ощутила ответ – ощутила так, будто всегда его знала и ни на миг не забывала. Пораженная летунья заговорила ровным,

размеренным голосом:

– ...К западу от Янтарного Моря лежит пустыня без имени, а в ней оазис Неджеб. За ними город Ур– Минг, окруженный рекой, что никуда не течет. На востоке леса хлебных деревьев, там гнездятся зеленые муравьи; если весной, поздно вечером, дать рыбе услышать их пение, она станет птицей. Дальше на восток стоят две деревни, Патир и Тамир, их жители враждуют. На юге, за руинами крепости Ториан, простирается земля черной травы, где нет городов, а волки слепы; там, в ясные дни, можно встретить воздушных русалок, что водят хороводы у невидимых башен. Ближе к северу вздымаются десять окаменевших великанов, между ними протянуты висячие мосты, и толстые, серо– крапчатые коты степенно ходят друг другу в гости...

Повинуясь словам, ландшафт внизу менялся: Фокси видела то спокойное зеленоватое море, то гигантские скалы, неведомые острова и пиратские корабли, реки, полные живого огня и вулканы, извергавшие тьму. От грандиозности и необъяснимости происходящего, она даже перестала бояться, любопытство подавило рассудок. Летучая мышь с громадным интересом слушала собственный голос, сгорая от нетерпения узнать, что же дальше.

– ...Итга– Нур, – спокойно рассказывала Фокси, – Затем на восток через ущелье Уиг к Орому, его поющим садам и уступчатой пирамиде из красного камня, под основанием которой, говорят, замурована так никем и не открытая дверь. Берегись слепых птиц, что ее охраняют...

...Южнее Орома – город из полированного базальта, Мог, а дома в нем без крыш, поскольку все жители любят дождь. Там, раз в год, зажигают хрустальный шар, и на свет его слетаются каменные бабочки.

...И на запад вдоль черной дороги, мимо Трепещущей Бухты, пока горизонт не озарится сиянием Изумрудного Леса. Здесь, вечерами, кружат по небу драконы, и солнце сверкает на крыльях, и ночь наступает позже.

...От Орома на север в девяти днях пути – долина Пта, страшное место, где хохочут гиены. Сюда приходят умирать. Земля вокруг покрыта тончайшей костяной пылью, люди собирают ее особыми кистями на длинных рукоятках, добавляют в чай и дают пить женщинам. Так обретают бессмертие.

...Дальше пояс бурь, и мост Гох, что стоит на фонтанах китов. Кто решится его

перейти, увидит тропинку, обвивающую хрустальный пик, а в хрустале – печальную фею. Она провожает путников взглядом и плачет, ибо знает, что впереди кошмарная пустыня Морт, где в полнолуние, иногда, появляется Город Ста Золотых Ворот. Он старше самой истории, его стены украшены барельефами, где девушки из неведомых рас танцуют под исчезнувшим небом, и идет война с пурпурными пауками, и приземляются черные галеры с Луны...

...А за пустыней, в гору течет река Иллирит. Там, где падает она в бездонную пропасть, облицованную малахитом, стоит одинокая башня без окон и дверей, и спиральная лестница ведет на ее вершину, но путь стерегут чернокожие карлики. Их лица пусты, глаза заросли паутиной. Говорят, тому, кто сумеет их рассмешить, позволят взойти на башню и увидеть принцессу, что спит, улыбаясь, ибо видит во сне этот мир...

С последними словами, гигантские утесы перед Фокси растаяли, и в лучах восходящего солнца ей предстал парящий на радуге, сотканный из жемчужных нитей корабль.

Его изящный бело– золотой силуэт напоминал сразу и цветок, и молнию. Ажурные паруса трепетали под ветром, в облачном море за кораблем тянулся пенный след. Два нестерпимо сверкающих, будто сотканных из звездного света, платиновых дракона сопровождали парусник, их грандиозные крылья вздымались и опадали неторопливо.

Пораженная, но, почему-то совсем не испуганная, летучая мышка спланировала на палубу. Один из драконов бросил на гостью веселый взгляд, второй подмигнул. На корме, за штурвалом, стоял высокий одноногий моряк с обветренным лицом и серыми глазами, широкоплечий, крепкий. Он курил старую каштановую трубку и лишь строго посмотрел на Фокси.

– Каги– карр! – послышалось сзади. Оробевшая летунья оглянулась: как она не заметила? Совсем рядом, на палубе сидела пожилая растрепанная ворона. Та самая, что следила за ней у Штаба!

– Карр, явилась– таки? – сварливо спросила птица.

Фокси сглотнула.

– П– п– простите... – выдавила еле слышно. – Я совсем запуталась...

– Оно и видно, карр! – Ворона недовольно переступила с лапки на лапку. – Ну

и что ты натворила?!

– Я? – робко спросила Фокси. – Я только искала пропавших друзей...

– Не только! Не только!

– Но это правда!

Ворона склонила голову набок.

– Может, правда, может нет, – сказала неожиданно спокойно. – Да только, карр, нашла ты себе не друзей, а неприятностей на хвост!

Она подпрыгнула вплотную, хищно вытянула вперед голову и в упор, почти ткнувшись клювом, уставилась летучей мышке в глаза. Фокси нервно попятилась.

– Ты где заклинание выучила, карр? – сурово поинтересовалась ворона. – Да смотри мне, совершь – отдам драконам на съедение!

– Мы никого не едим, – громоподобным низким басом отозвался один из паривших рядом с кораблем платиновых красавцев. Ворона сварливо отмахнулась крылом:

– Вашего брата здесь столько же разновидностей, сколько у меня перьев! Не мешай! – она вновь обернулась к испуганной Фокси. – Ну? Говори! Карр!

Летунья робко развела крыльями.

– Я не помню точно... Кажется, в книге Уинифри, или в интернете...

– Не помнишь? – жестко спросила птица. – Ты хоть знаешь, что за колдовство применила, в какую карр– карр– каррртрастрофическую угодила историю?!

«Каррртрастрофическую...» – Фокси против воли улыбнулась. – Ни в какую историю я не угодила! – отозвалась с неожиданной для самой себя смелостью. – Я искала похищенных друзей!

Ворона смерила летучую мышь грозным взглядом.

– Ты воспользовалась заклинанием «Холодный Мост» в его наидревнейшей, самой темной форме, – сказала сухо. – И уверяешь, будто выучила ПОДОБНОЕ в интернете или грошовой книжонке для туристов? Это изначальная магия, карр!

Фоксглав недоверчиво моргнула.

– Изначальная магия?! Но зверяне не могут ею пользоваться!

– Она меня учит! – возопила птица. Распушила перья, прищурила глаза. – Я потратила месячный запас энергии, чтобы тебя вытащить, глупое ты млекопитающее!

Растерянная Фокси отпрянула. Сглотнула:

– Так это вы спасли меня в том... сне? – спросила тихо. – Спасибо...

– Каги– карр! Я за тобой следила! – грозно заявила ворона. Обвела крылом сверкающий парусник. – Мы пограничники, ловим нарушителей, проникающих в реальность из Мира Грез и наоборот. Когда призвали твоих дружков, я насторожилась, но когда ты прочла заклинание, это было, словно во тьме зажегся маяк, карр! – Она сурово покачала головой. – А заметить его могли не только мы, крылатка. Не только мы...

Ворона помолчала, разглядывая испуганную летучую мышь.

– Мы уже собирались тебя ловить, – буркнула нехотя. – Но когда ты едва не погибла в логове ведьмы, я засомневалась. Это была не игра, ты действительно понятия не имела, куда сунулась и чем рисковала. Мартышка со спичками, каги– карр!

Возмущение, наконец, превысило робость, и Фокси гневно топнула лапкой:

– Вы хотели арестовать МЕНЯ?! – воскликнула в ярости. – Меня?! За то, что я пыталась спасти друзей?! А как насчет ведьмы, что их похитила?!

Один из драконов за бортом парусника громоподобно рассмеялся:

– Хороший вопрос, – он насмешливо покосился на ворону. – Придется объяснить.

Птица метнула на ящера злобный взгляд. Пощелкала клювом.

– Каррр... Ладно, хвост с вами. Слушай, крылатка, да запоминай, – она неохотно обернулась к Фокси. – Беда в том, что ты потревожила ведьму, с которой никто из Мира Грез справиться не в силах.

Летучая мышка недоверчиво моргнула:

– Вы неспособны одолеть одну колдунью?!

– Погоди хохотать, – сварливо буркнула птица. – Дослушай.

Она вновь щелкнула клювом и подпрыгнула на шаг ближе к маленькой рядом с нею летунье.

– Ведьма, в чье логово ты сунулась, карр, умеет менять облик сразу и в нашем, и в вашем мире, – мрачно сказала ворона. – Поэтому ее никто не может победить уже тысячи лет. Каги– карр, стыд и позор– р– р! – она подпрыгнула на месте от возмущения.

Фоксглав с волнением подалась вперед:

– Это как отражения, да?! – выпалила она. – Жители реальности отражаются в свои истинные формы в Мире Грез?!

– Примерно, – недовольно буркнула ворона. – Не у всех ваших имеются отражения, и здесь также обитает много существ, не имеющих ничего общего с реальностью. Карр! Есть, однако, и особенности: главная – телом ты можешь быть кем угодно, но отражение не подменить, не спрятать... Как душу.

Фокси медленно кивнула.

– А ведьма умеет, да?

– Умеет, – нехотя согласилась птица. – Стоит выйти ей на след, как она исчезает – полностью, в обоих мирах. А спустя пару лет, где-то на другом конце света, начинают пропадать дети.

– Поэтому мы боимся ее спугнуть, – глухо произнес дракон за бортом. – Так, мы можем хоть издали наблюдать за колдуньей и, по мере сил, бороться с ее злодеяниями.

Ворона яростно подпрыгнула:

– А ты ее потревожила! Скоро уж четыреста ваших лет, как мы потеряли след!

Летучая мышка приоткрыла пасть от изумления.

– А– а?! Н– но... Я ведь только что побывала в ее логове, ты сама меня вытащила!!!

Ворона бессильно опустила голову.

– Вот, почему мартышкам нельзя играть со спичками, – сказала мрачно. – Заклятие «Холодный мост» соединяет века, а не мили. Ты побывала в логове ведьмы не «только что», а пять сотен лет назад, спугнула ее в то время, и сегодня – спустя века – колдунью так и не обнаружили вновь. Ты погубила расследование, длившееся тысячелетиями, карр! Довольна?!

Несчастливая Фокси просто села на хвостик. Отчаяние ее было столь велико и искренне, что один из драконов бросил на ворону уничтожающий взгляд. Птица нехотя подпрыгнула ближе к летучей мышке.

– Ладно, ладно... – буркнула сварливо. – С кем не бывает. Утри– каррр лучше слезы, да помоги все исправить...

– Исправить?! – от волнения Фокси расправила крылышки и вскочила: – Что надо сделать?! Я готова!

Ворона склонила голову набок и косо поглядела на летучую мышь:

– Карррр... Ну, вообще-то шанс есть, – отозвалась она неохотно. – Колдунья сама выползла из норы, когда похитила твоих дружков. Не понимаю, с чего ей так подставляться, но уж коли назвался груздем... – птица вздохнула. – Только дельце будет опасное.

– Расскажи!

Пернатая скакнула с ноги на ногу.

– Что ж, каги– карр... Слушай, – она понизила голос. – Когда ведьма призвала твоих друзей, она отправила за ними экранированную птицу. Это сложнейшее заклятие, делающее объект невидимым для Мира Грез, она рассчитывала, что похищение сойдет ей с рук. Каррр! Старуха не знала, что я уже давно отслеживаю все проявления изначальной магии на Земле! Каррр! А благодаря твоему невежеству, этот план и вовсе накрылся фиолетовой перепонкой! – Ворона хрипло рассмеялась. Обернув голову, она выщипнула себе клювом два небольших перышка со спины.

– Возьми, – крылатая протянула их взволнованной Фокси. – Помнишь сказки, где герой должен запалить перо, чтобы призвать могучего орла или, там, мудрую ворону? – черная птица насмешливо каркнула. – Это не сплошь вымысел. Как вернешься на место преступления, потри одно перышко о темный след, и в полночь, на открытом месте, сожги его от огня деревянной лучины.

Фокси взволнованно кивнула:

– Ясно! Что дальше?!

Ворона вздохнула.

– Когда заколдованная птица явится, ты увидишь где-нибудь на ее теле единственное перо другого цвета – это особенность заклятия экранирования, точка, где сокрыта душа. Вырви перо прежде, чем птица опомнится от магической телепортации, иначе она тебя просто склюет, каги– каррр! – ворона озабоченно клацнула клювом. – Запомнила?

– Запомнила!

– Ох, дите непутевое... – ворона покачала головой. – Надеюсь, я не совершаю ошибку... Едва волшебное перо окажется у тебя, птица упадет мертвой. Но не волнуйся – возьми второе перышко, что дала тебе я, и воткни на место вырванного.

В глазах вороны мелькнул смешок.

– Очнувшись, бедняжка непременно спросит что-нибудь в стиле «Как отблагодарить тебя, о моя спасительница?»... Каррр! Скажешь, чтобы отвезла к логову ведьмы; оказавшись там, лети прямо к старухе и громко крикни ей в лицо: «Эй, хозяйюшка, парня моего приворожила, да пора бы и честь знать!»

– Парня? – переспросила Фокси. Ворона кивнула.

– Да, крылатка. Есть лишь одна сила, способная тягаться с изначальной магией – и ты, каги– каррр, прекрасно знаешь, какая...

Фокси смущенно опустила голову. Птица помолчала.

– Ведьма попытается тебя напугать, станет смеяться над твоей слабостью, пригрозит уничтожить. Смело стой на своем и повторяй, чтобы отпустила твоего парня. Отказаться она не может – тогда ее чары рассеются.

Ворона вновь щелкнула клювом.

– Шесть раз потребуешь отпустить друга, и ведьме придется согласиться, каги– карр! Она подвергнет тебя испытанию, выдержав которое, ты не только освободишь всех пленников, но и навсегда уничтожишь злую колдунью. А ей, карр, страсть как неохота быть уничтоженной... Испытание будет сложным и смертельно опасным!

Фокси сглотнула.

– Каким именно? – спросила слегка охрипшим голосом. Ворона покачала головой.

– Я не знаю, каррр! Никто не знает. Но по законам магии, это должно быть испытание, с которым тебе хватит сил справиться... Каррр! Утро вечера мудренее! Готовься, укрепляй волю! Докажи всем, что ты не союзница ведьмы!

Фокси отпрянула:

– Я?! Союзница?! Ведьмы?!!!

– Ты летучая мышь, не так ли? – насмешливо спросила ворона. – Кому, как не летучей мыши, прислуживать злой колдунье?

Фокси вспомнила Унифри и поникла. От обиды и бессильного гнева, в уголках ее глаз показались слезы.

– Я не виновата, что все считают мой род исчадием зла, – сказала горько. Оба дракона, парившие за бортами сказочного парусника, с огромным сочувствием

оглянулись на крохотную летунью.

– Не позволяй чужой ненависти травить душу, – гулко сказал один. – Будь собой, живи для, а не вопреки. Ощути, сколь мало общего с тобой имеет злобная карикатура, которую они ненавидят, и внезапно поймешь: ты свободна.

– Уж нам-то опыта не занимать, – с чувством добавил второй дракон. Ворона досадливо замахала крыльями:

– Ох, прорвало на любимую тему... Этих чешуйчатых светом не корми, дай пожаловаться на тяжкую долю. А я-то, мне-то не грех сетовать, каррр?! Уж кем только ворон не считали!

– В общем, подходящая собралась компания, – не вынимая трубки изо рта, весело буркнул одноногий моряк. Фокси робко улыбнулась.

– Спасибо. Спасибо вам всем. Я приму бой за друзей, за вас, за право остаться свободной.

Ворона ободрительно потрепала летунью широченным крылом:

– Так, так, каги– каррр! Так, так! – она встрепенулась: – Да, чуть не забыла: сгруппируйся.

– Что?! – Фокси широко раскрыла глазки, но в тот же миг и корабль, и добрые драконы, и сверкающая в лучах Солнца страна Грез – все завертелось безумным клубком, и летучая мышь с писком свалилась в фонтан Центрального Парка.

Вынырнула, судорожно огляделась. Рядом, на грязноватой водной глади, покачивались два черных перышка. Фокси вскрикнула, заработала крыльями.

С трудом выбравшись из воды, продрогшая летунья уселась на бортик бассейна, прижимая к груди подарок волшебной птицы. Ее разум трепетал, сердечко бешено колотилось. Неужели не померещилось? Неужели она и в самом деле прошла по Дороге Сна, в мир, куда фантазия уносит способных мечтать?

Додумать мысль летунья не успела: к фонтану на полной скорости примчалось «Крыло Спасателей», откуда по тросу спустилась вооруженная самострелом Гайка. Мышка была вся увешана снаряжением, глаза скрывали ее знаменитые очки, на лице темнел противогаз. Самолет она, очевидно, снабдила автопилотом – тот послушно завис над землей.

Пока ошарашенная Фокси глазела на эту картину, Гайка подскочила к ней

вплотную и приняла боевую стойку, озираясь по сторонам и держа самострел наготове:

– Уа уоуоу, ууоуо уэи а ауооу!!!

Летучая мышь приоткрыла пасть.

– Что?!

Гайка, яростно топнув ногой, сорвала противогаз:

– Говорю, я прикрою, быстро лети на самолет!

– За-за-зачем?

– Тебя же похитили! – возмутилась мышка. – Твой трекер на два часа исчез с карты! И вдруг ты падаешь прямо в фонтан! Не ранена? – озабоченно спросила Гайка.

Фокси, облегченно вздохнув, не сдержалась и повалилась на спину от хохота. Гаечка опустила самострел, с досадой приподняла очки и протерла слезящиеся глаза.

– Значит, не похищали? – спросила угрюмо.

Задышающаяся смехом, Фокси едва сумела покачать головой. Гайка стиснула кулаки.

– Неужели мое изобретение вновь подвело?! – спросила с отчаянием. Фокси, усилием воли оборвав смех, заставила себя встать и обняла расстроенную мышку крыльями.

– Все хорошо, Гая, все хорошо. Твоя шпионская машинка не ломалась. Просто меня... Как бы сказать помягче... Некоторое время не было в этом мире.

Гайка помолчала.

– Думаешь, удивлюсь? – спросила после паузы. – Ни капельки не удивлюсь. Я больше удивляться не умею, лимит исчерпала. Годиков, эдак, на двести вперед. Ну? Дай отгадаю: прилетал Питер Пэн и отвез тебя в Неверлэнд, а там попросил стать мамой для пропавших мышат?

Фокси с улыбкой покачала головой.

– Я побывала в Стране Грез и говорила с ее жителями. Меня научили, как одолеть ведьму, дали волшебные перья, вот, смотри!

Гаечка окинула подарок вороны критическим взором.

– Это была моя следующая догадка, слово в слово! -заверила она Фокси. Летучая мышь рассмеялась.

– Летим в Штаб! – воскликнула она счастливо. – Отныне, на нашей стороне

могущественные силы Добра, колдунье придется несладко. Теперь есть надежда, Гая!

Изобретательница не ответила; она, со странным выражением, смотрела куда-то за спину Фокси. Летунья напряглась. Чувствуя, как начинает трепыхаться сердечко, она медленно обернулась.

Серо– зеленая водная гладь бассейна выгибалась горбом. Прямо на глазах пораженных Спасательниц, из воды выростали тошнотворные щупальца, появлялись и с чмоканьем исчезали присоски. Прошла минута, и над фонтаном заколыхался полупрозрачный, невероятно мерзкий спрут.

По желеобразной «плоти» пошла рябь, «кожа» лопнула, разошлась водоточащими лоскутами, и из глубин спрута выдвинулось маслянистое струящееся лицо древней старухи. Слепые глаза обратились на перепуганных мышек.

– Придется несладко, хе– хе? – пробулькала ведьма. Щупальца извивались вокруг ее лица, словно змеи Медузы, длинный крючковатый нос почти доставал подбородок. – Поглядим, посмотрим, пошуршим... Эй, ухастая! – старуха рывком обратила лицо к Фокси. – А ну, брось перья!

Гайка просто оцепенела, не в силах ни бежать, ни говорить, но летучая мышка опомнилась быстро – ей был знаком кошмарный подлинный облик ведьмы.

– Никогда! – твердо отозвалась Фоксглав, стиснув подарок коготками. Тут ей пришла в голову новая мысль, и летунья, пискнув, поспешно распахнула крылья: – Эй, хозяйюшка, парня моего приворожила, да пора бы и честь знать! – крикнула она что было сил.

Ведьма растянула «рот» в насмешливой ухмылке. Вместо редких зубов, там покачивались пучки водорослей.

– Любовь... – пробулькала старуха. – Что ж, ухастая, тебе верно шепнули: это единственное, что может бросить мне вызов. Да только советчик твой, должно быть, запамятовал – любовь-то зверям недоступна, хе– хе. Лишь человечья девушка может требовать от меня освободить ее возлюбленного, так-то, зверушка ты нелепая, так-то! Съела, да?! – колдунья противно рассмеялась. – Видела бы ты сейчас свою морду!

Фокси и в самом деле нанесли чрезвычайно болезненный удар. Сжавшись в комочек, она накрылась крыльями, пытаясь совладать с черным глухим отчаянием. Ведьма следила с огромным наслаждением, щупальца плотоядно трепетали.

– Ты бездушная тварюшка! – продолжила она хлестать несчастную летунью. – Помесь воробьихи с тараканом! Уродина плосконосая, и ты возомнила, будто способна меня одолеть? Меня, пред которой ползали короли и ели грязь герцоги! – ведьма с бульканьем расхохоталась. – Знай: нынче в новолунье, я сниму шкурки с твоих дружков– грызунов, оберну в эти кровоточащие лоскутья двух детей, что похитила недавно, и превращу их в рабов, безропотных и бездушных зверенышей. О, что может быть вкуснее свежесырванной, трепещущей детской души! – колдунья затрясла щупальцами от предвкушения.

Фокси была побеждена. Дрожа от горечи и страха, она утратила дар речи и только плотнее сжималась под новыми ударами. Ведьма уже открыла зловонный рот, чтобы продолжить, но в этот миг ярость, наконец, помогла Гаечке справиться с шоком. Свирепо выдохнув, мышка бросила самострел, рванула из-за плеча металлический щуп, соединенный толстым витым кабелем с ранцем за спиной, и метнула щуп в бассейн.

– До встречи в новолунье, – процедила Гайка сквозь зубы, поворачивая рычажок на поясе.

Ведьма страшно завопила – по ее водяному «телу» заискрились молнии, пучки водорослей во рту вспыхнули дымным огнем. Корчась от боли, спрут рухнул обратно в бассейн.

– Не знаю насчет любви, а девять миллионов вольт определенно могут с тобой тягаться, – презрительно бросила Гаечка и опустилась на колено возле подруги. – Фокси... Милая... Не плачь, ну пожалуйста...

Крылатая дрожала, слезы текли рекой.

– Она права, – хрипло прошептала несчастная летунья. – Она права, Гая... Кто я, чтобы... Мечтать о любви...

– Она не права!!! -заорала Гайка с такой яростью, что с ближайших деревьев от испуга взлетели птицы. – Не смей это говорить!!! Слышишь?!! Не смей!!! Мы умеем любить!!! И мечтать!!! И верить!!!

Она схватила Фокси за крылья и насильно развела их в стороны. С размаху дала такую пощечину, что летунья упала на бок.

– Никогда не говори, что мы не знаем любви, -задыхаясь от бешенства,

процедила Гаечка. – Никогда, ясно? Вспомни оленей, что кидаются в собачью свору, отвлекая внимание от ланей, вспомни орлов, что сами бросаются на камни, если теряют подругу!

Гайка опустила на корточки и встряхнула Фокси за плечи.

– Вспомни пса Хатико, который девять лет приходил на вокзал ждать погибшего хозяина, – сказала тихо. – Кто из людей на такое способен?

Сзади послышался ядовитый смешок. Гаечка и Фокси оглянулись: совсем рядом, на бортике бассейна, сидела пожилая растрепанная ворона.

– Многие умеют любить, карр, – пробурчала она сварливо. – Люди и звери, неважно. Было бы, кого... – ворона посмотрела на плачущую летунью и гневно щелкнула клювом:

– Можешь забыть обо всем, что я говорила. Карр! Операция отменяется.

Растрепанная Фокси, утерев слезы, с признательностью стиснула Гайкину лапку и, напрягая силы, поднялась на ноги.

– Что случилось? – спросила робко.

Ворона склонила голову набок.

– Ты провалила экзамен, вот что, – отозвалась сурово. – Я сказала, ведьма будет тебя пугать и надсмехаться? Сказала? Сказала?! Каррр! Ну и на что ты рассчитываешь?!

У Фокси подкосились лапки.

– Это... Это... Это все было... Проверкой?! – она чуть не бултыхнулась в бассейн, Гаечка едва успела схватить ее за крыло.

Ворона смерила летучую мышь презрительным взглядом.

– Отправлять тебя, наивную и глупую, в лапы колдунье – карр... Я птенцов в огонь не бросаю, – она покачала головой. – Прости. Ты еще не готова для нашей работы.

– Стой! – пискнула Фокси, но черная птица уже не слушала: распахнув крылья, она внезапно подняла из воды в фонтане огромную воронку и влетела в нее над головами испуганных Спасательниц. Раздался хлопок; водоворот рассыпался на тысячи брызг и опал мельчайшим туманом.

В тот же миг, сотни ворон, сидевших на деревьях вокруг фонтана, синхронно

взмахнули крыльями и с шумом поднялись в воздух. Растерянная Гаечка проводила взглядом улетающую стаю.

Фокси, дрожа от волнения и обиды, внезапно вскрикнула:

– Перья! – она с ужасом развела крылышки. Подарок вороны, два волшебных пера, рассыпался темным прахом. Летучая мышь впиалась коготками в бетон:

– Я не подведу... – простонала в отчаянии. – Так нельзя! Я же не знала...

Обманщица! Обманщица!!!

Гайка робко тронула подругу за плечо:

– Фокси, она права.

– Что?! – Летунья рывком обернулась.

– Она права, – твердо повторила Гаечка. – Если б тут была настоящая ведьма, ты бы уже погибла.

Фокси зажмурилась. Долго молчала, глубоко дыша и нервно подергивая хвостиком. Наконец, справившись с собой, зло прижала уши.

– Я не сдамся, – процедила она сквозь зубы. – Я спасу Чипа и Дэйла, даже если придется воевать со всей Землей и Миром Грез в придачу!

Гайка скрестила на груди лапки:

– Ты не одна их спасаешь.

Фокси вздрогнула.

– Да... Прости. Мы вместе. Мы сами найдем колдунью, не знаю как, но найдем!

– она топнула лапкой. – Прочешем всю Германию, от Берлина до Дрездена, каждый дюйм!!! Спасатели, впе...

– Стоп, – оборвала Гайка. Она встрепенулась, нервно сцепила пальцы. – Погоди. Дрезден. Я уже слышала сегодня об этом городе.

Фокси моргнула.

– Гая?

– Дрезден фигурировал в твоём рассказе... Совсем мельком... Дай вспомнить...

Ох! – мышка запнулась. Лихорадочно взъерошила волосы: – Быстро, в Штаб. Подними меня на самолет.

Слегка растерянная, Фокси молча исполнила просьбу и сама уселась во второе кресло. Гаечка пристегнула ремни, двигатели взревели на критических оборотах.

По пути до Штаба, мышка не проронила ни звука. Едва самолет коснулся посадочной площадки, она выпрыгнула из кресла, даже не заглушив моторов, и бросилась в свою комнату. Дверца захлопнулась прямо перед носом у Фокси.

– Подожди в гостиной, я скоро! – донесся взволнованный голос изобретательницы. Немного обиженная, летучая мышь поднялась в главный зал.

Гайки не было долго. Так долго, что Фокси уже собиралась спуститься и высказать ей все, что думает по поводу шпионских нанотрекеров и недоверия лучшей подруге, но тут, к счастью, мышка вернулась. Она выглядела измученной, глазки слезились; но в руке Гаечка держала одинокий лист бумаги с единственным словом по центру. Фокси от волнения вся накрылась крыльями, оставив только щелочку для глаз.

– Это... Это... – она с недоверием посмотрела на Гайку. – Как?!

Изобретательница устало опустилась на диван.

– Я подняла базу данных по судьям Дрездена, начиная с 15–го века, – отозвалась со вздохом. – Немцы народ педантичный, они все каталогизируют. Даже сам город Дрезден впервые упоминается в сохранившихся с 13–го века документах о судебном разбирательстве! Я искала пропавших без вести судей; такой нашелся только один – некий герр Убель Бёкенхоршен...

Фокси вскрикнула. Гаечка согласно кивнула:

– Угу, я тоже обрадовалась. Судя по твоему рассказу, герр Убель заключил с колдуньей какой-то договор, за что впоследствии и поплатился. Но разве стал бы преуспевающий, известный молодой судья, рискуя карьерой и – весьма серьезный аргумент в то время – своей «бессмертной душой», связываться с ведьмой? Сомнительно. Тогда я стала искать громкие дела, которые вел герр Убель незадолго до исчезновения, и что ж ты думаешь? Наткнулась на протокол под заголовком «О непотребных и богопротивных деяниях некой фрау, чье имя здесь упоминать неразумно, засвидетельствованных добропорядочными гражданами, заслуживающими доверия»!

– Ух ты! – не удержалась Фокси. Гайка кивнула:

– С этого мига все стало ясно. Бёкенхоршен вел дело, где ведьма выступала подсудимой по обвинению в колдовстве. А это в то время означало костер! Но на дворе стоял семнадцатый век, многие «просвещенные» аристократы уже не воспринимали

всерьез идиотский церковный вздор. Стало быть, с ними можно было договориться... – мышка вздохнула. – ...и похоже, герр Убель оказался как раз из таких. Он вынес оправдательный приговор, а спустя месяц, внезапно приобрел роскошный замок в окрестностях Дюссельдорфа.

– Замок?! – переспросила Фокси.

– Угу, он явно знал цену своим услугам, – усмехнулась Гаечка. – Впрочем, на сей раз герр Убель связался не с тем противником. На последней странице протокола есть ремарка, что после таинственного исчезновения судьи было обнародовано завещание, где замок, переименованный им в Бёкенберг, к изумлению родственников отходил той самой оправданной фрау. Наследники, конечно, потребовали аннулировать завещание и арестовать ведьму, но получили отказ – и с тех пор, в документах не упоминались. А замок Бёкенберг до сих пор стоит.

Фокси с глубочайшим восхищением уставилась на Гаечку. Медленно встала, расправила крылышки и зааплодировала; мышка смущенно отвернулась.

– Ладно уж, ладно, – буркнула, покраснев. – Ты первой придумала гуглить жилище злой волшебницы.

Фоксглав с трудом перевела дух.

– Тогда в путь, Гая! Замок Бёкенхьоршена – ключ ко всему!

Белая мышка решительно кивнула:

– Ты права. Позвони Рокфору, скажи, пусть они с Вжиком отправляются в Дюссельдорф на попутных птицах, встретимся с ними у замка, завтра вечером. А я подготовлю транспорт.. – в глазах Гаечки мелькнул недобрый огонек. Фокси вздрогнула:

– А... Что-то не так с «Крылом»?..

Изобретательница усмехнулась.

– Нам потребуется птичка побольше, – сказала жестко.

Она направилась к дверям, и вскоре снаружи послышался рев моторов улетающего самолета. Фокси осталась одна.

Летучая мышка несколько минут сидела в неподвижности, собираясь с мыслями и успокаивая нервы. Предстоящая битва ее серьезно страшила. Фокси не строила иллюзий – противник был невероятно силен, далеко за рамками обычных

возможностей Спасателей. Но и ставкой в игре служило не что-то там, а жизнь Чипа и Дэйла. Лишь бы успеть, лишь бы старуха не причинила вреда ребятам...

– Да че ж я сижу-то, как гусыня безмозглая?! – спохватилась вдруг Фокси и бросилась в свою комнату. Нацепила пояс с кармашками, набила рюкзак всеми имевшимися амулетами да колдовскими принадлежностями. Вылила на голову два флакона с серебрянкой – особыми антимагическими духами, содержащими наночастицы серебра, натерла перепонку аналогичным кремом. Место на груди занял массивный медальон, изображавший вписанную в пентаграмму серебряную драконессу; почему-то, при взгляде на это грациозное существо, летунье казалось, будто она смотрит в зеркало.

Фокси в последний раз оглядела комнатку. Больше откладывать не выйдет. Пора встретиться лицом к лицу со страхом, втоптать его в землю и торжествующе взвыть, поставив лапу на его сломанную спину! Ну, или, хоть издать ультразвуковой вопль...

Тяжело вздохнув, Фоксглав передернула крыльями и вернулась в главный зал. Набрала номер Рокфора; крохотные шпионские мобильники размером с фасолину Гайка позаимствовала в лабораториях ЦРУ, аппарат подключался к любому оператору в любой точке мира. А поскольку в оригинале интерфейс зашивался агентам под кожу, кнопки и экраны мышка приделала сама.

– Все хорошо? – донесся бас австралийца. Судя по шуму ветра, Рокки летел на спине птицы. Фоксглав кратко изложила указания Гаечки.

– Дюссельдорф, понял! – отозвался силач. – А Кассандру мы нашли! Она с нами!

– Отлично! – обрадовалась Фокси.

– Тут ураган начинается, я отключаюсь... – сигнал пропал. Летучая мышка, вздохнув, сунула мобильник в рюкзак и уселась на диван ждать Гаечку.

Изобретательница вернулась только через пару часов, но такого возвращения стоило подождать и неделю. Сначала Фокси думала, что свист турбин доносится с неба – очередной «Боинг» летел по своим делам. Но вскоре шум стал таким отчетливым, что летунье пришлось подойти к дверям. Поверить глазам удалось не сразу.

На лужайку перед штабным деревом, в облаках сизого дыма приземлялась ракета. Самая настоящая ракета, как их рисовали на обложках фантастических книг

60-х – бело-красная, изящная, обтекаемая, веретенообразная, с тремя массивными гондолами двигателей в корме. Только вместо изрыгающих пламя дюз, силовая установка корабля явно состояла из небольших турбин, судя по размерам и звуку – снятых с беспилотников. На борту гордо красовалась сверкающая эмблема «Спасателей».

Пока Фокси, открыв рот, наблюдала за посадкой аппарата, ракета выдвинула шесть опор, по две из каждой гондолы, и замерла на траве, окутавшись рыжим тормозным выхлопом. Носовой обтекатель повернулся на пол-оборота и откинулся, открыв взору изумленной летуньи комфортабельный шестиместный салон с мягкими креслами, хромированными экранами и прочими атрибутами хорошей ретро-фантастики.

Гайка, одетая в серебристый комбинезон с символикой «Спасателей» под левым плечом, сидела на месте пилота. Фокси, сглотнув, расправила крылышки и в два взмаха оказалась рядом; молча, слишком удивленная, чтобы расспрашивать, заняла отформованное под летучую мышь кресло и пристегнулась. Гайка закрыла обтекатель нажатием кнопки, в салоне зажегся уютный желтоватый свет.

– Вот, – сказала мышка, помолчав и не глядя на подругу. – Называется «Поглотитель Пространства». В космос не летает, но разгоняться до двух Махов у меня получалось.

Фокси только и сумела развести крылышками.

– И ты хранила в тайне такое чудо?!

– Его не я строила, – мрачно отозвалась Гайка. – Я только помогала с расчетами. Эту машину два года собирали под руководством Тинга-Линг и Минг-Тинга зверяне со всей страны, и должны были торжественно вручить Спасателям на десятую годовщину нашей команды. Сюрприз... – мышка грустно покачала головой. – А я все испортила.

Фокси вздрогнула.

– Гая... Мне кажется, если нам удастся спасти Чипа и Дэйла, это будет подарок лучше любой ракеты!

– А кто спорит, – вздохнула мышка. – Ты позвонила Рокфору?

– Угу. Завтра к вечеру будет в Дюссельдорфе. Они с Вжиком отыскивали

Кассандру.

Гайка слабо улыбнулась.

– Ну, ведьма проклятая... – она положила лапки на рычаги управления. – Ну, держись...

Турбины с визгом начали раскручиваться.

Полет над половиной земного шара предстоял долгий, так что Гаечка вывела «Поглотителя» на крейсерскую скорость, включила маскировку и автопилот, а сама предложила Фокси хорошенько выспаться перед битвой. Под полом главной кабины оказался жилой отсек, с шестью небольшими каютами, санузелом и даже крохотной кухней. Спасательницы поужинали в молчании и разошлись по каютам – слишком тревожно было у обеих на душе.

Вопреки нервному напряжению, Фокси уснула почти мгновенно. Ей снился зловещий дворец, что выглядел снаружи как старая хибарка, она вспоминала удивительный зеркальный пол, где морские свинки скользили в ореховых скорлупках подобно конькобежцам. И вновь, как при посещении Страны Грез, Фокси почувствовала внутри себя знание, которому там просто неоткуда было взяться. Откуда ей известно, что пленники ведьмы собирают для старухи росу с розовых лепестков, ибо ничего другого колдунья не пьет? А другие пленники, в основном ловкие белочки, вылавливали пылинки из солнечного луча и просеивали их сквозь самые мелкие сита, а потом из них пекли для старухи хлеб. У той ведь во рту не осталось ни одного зуба, потому-то ей и приходилось есть булки из солнечных пылинок, мягче которых, как все знают, нет ничего на свете...

И тогда Фокси, впервые, задумалась – с какой целью могли злобной ведьме понадобиться два крохотных бурундучка, обитавших, вдобавок, на другом конце мира? Да, они, скорее всего, были потомками герра управляющего, как бы тот ни возмутился; но неужто столь могущественной колдунье не проще было бы изловить парочку местных белок?

Проснувшись в темноте, под мерный гул турбин, летучая мышка укрылась крыльями и глубоко задумалась. Ее ясный, стремительный разум был устроен так же, как и у Гаечки – она просто не умела ничего «принимать как есть». Ей требовалось понимать, а не слепо верить. И сейчас, во всей этой истории, концы очень плохо

сходились с концами.

Сомкнув веки, летунья принялась тщательно анализировать все произошедшие с ними события. И чем глубже продвигался анализ, тем меньше ей нравился результат. Все, буквально каждая деталь идеально соответствовала логике сказок.

Похищение; удивительно мощный магический след рядом с домом, где как раз обитала увлекавшаяся магией летучая мышка; открытие, что Чип и Дэйл не стареют – до сих пор, десять лет существования команды Спасателей, этого никто не замечал, а тут вдруг один телефонный звонок – и сюрприз. Появление вороны спустя лишь пару часов от похищения, задолго до злосчастного заклинания «Холодный Мост»...

Фокси медленно начинала дрожать. Отыскав в ящичке под кроватью одеяло, она закуталась до кончиков ушей, но теплее не стало. Потихоньку, в душе летуньи крепились нехорошие, ужасающие подозрения.

Чудесный визит в Страну Грез. Задание вороны больше напоминало сказку про Кощея Бессмертного, чем оперативный инструктаж для работы под прикрытием. Угу, ну разумеется – отправим крохотную летучую мышку прямо из дупла на бой с ведьмой, ускользавшей до сих пор от любого героя! А через минуту – устроим ей экстремальный тест, который неопытная летунья, разумеется, была просто обязана завалить!

Как-то не сходится, да?

Фокси стиснула зубы. Ответ был прост и очевиден: ее никогда и не собирались посылать за колдуньей. Вся история с визитом в Страну Грез оказалась стандартной процедурой – «проверкой благонадежности», как выражались земные спецслужбы. И едва ворона убедилась, что подозрительная летучая мышка действительно не служит ведьме, ее моментально устранили с дороги.

От ярости, у Фоксглав раздувались ноздри. Что ж... Посмотрим, кто будет смеяться в конце. Посмотрим! Они отыскали и время, и ресурсы для проверки летуньи, только лишь вспомнившей старое заклинание, а судьбой Чипа и Дэйла даже не обеспокоились!

И тут, совершенно неожиданно, Фокси пришла в голову новая мысль – мысль настолько дикая, что у летучей мышки похолодело на сердце.

«Ты где заклинание выучила?!» – послышался хриплый голос вороны.

«Я не помню точно...»

Но сегодня, с самого утра, Фоксглав регулярно вспоминала вещи, которые просто не могла знать!

Сердечко замерло – и бешено забилося. Разрозненные фрагменты мозаики стремительно складывались в общую картину, картину до того жуткую, что летунья до боли вцепилась клыками в одеяло. Превозмогая страх, она попыталась вспомнить каждую мелочь своего магического путешествия в логово ведьмы.

«Новенькая, да?» – снисходительно спросила морская свинка.

«Из какой страны вас призвали?»

Стараясь не поддаваться панике, Фокси крепко зажмурилась, чтобы еще детальнее вызвать в памяти «волшебный сон». И вновь, в точности, как прежде, детали явились сами собой, с готовностью расстилая перед летуньей картины, которые она попросту никогда прежде не видела.

Фокси «вспомнила», как старуха отвела похищенного мальчика на кухню и до смерти его перепугала, когда в корзине вместо кочанов капусты оказались человеческие головы. Летунья откуда-то знала, что ведьма накормила ребенка отравленным супом, обернула в беличью шкурку и на целых семь лет сделала своим слугой, наградив за это, однако, недостижимым кулинарным мастерством.

«А что было дальше?!» – Фокси резко задала вопрос памяти. И та, услужливо, подкинула очередную картину: теперь летунья видела, как пожилой сапожник беседует с необычайно уродливым карликом.

«...а женщину ту, что у Ханны овощи покупала, никто с тех пор не видал. Одна древняя старуха, девяносто уже лет на свете живет, говорила Ханне, что это, может быть, злая колдунья по прозвищу «Травяная Ведьма», что приходит в город раз в пятьдесят лет закупать провизию...»

Фокси мысленно ахнула. ОТКУДА она знает все это? ОТКУДА в недрах ее мозга столько данных о Стране Грез, о колдунье, о похищенном мальчике?!

Ведь не из того же полузабытого сна, что тревожил ее утром?!

Кутаясь в одеяло, Фоксглав лихорадочно размышляла. Как сказала Гаечка?.. Логика. Нужна логика. Чтобы раскрыть преступление, надо вначале понять, кому оно выгодно. Летунья вспомнила жуткий человеческий фильм «Молчание ягнят», который произвел на нее шокирующее впечатление. «Все хранится в этом досье», – с легкой

насмешкой сказал доктор Лектер трепещущей от волнения девушке. – «Вы почти у цели»...

Сейчас Фокси чувствовала себя примерно так же, как Кларисса Старлинг после этих слов. Она дрожала, понимая, что вся информация у нее уже есть – ответ был ЗДЕСЬ, на кончиках крыльев, она чувствовала его запах, видела призрачный блеск. И не могла дотянуться.

Спокойно. Спокойно. Надо перечислить голые факты. Первое; за несколько дней до похищения, Дэйл стал вести себя нервно, боялся оставаться один. Чип не проявлял никаких симптомов.

Второе; ворона появилась в центральном парке спустя лишь пару часов от похищения. Раньше, чем Фокси прочла темное заклинание. То есть, пограничная служба Страны Грез отреагировала на похищение, а не на предшествовавший ему «призыв» и не на колдовство летучей мышки.

Третье; сегодня с самого утра Фокси регулярно обнаруживала у себя познания, получить которые не могла ниоткуда. Она моментально опознала следы изначальной магии, хотя прежде никогда с такими не сталкивалась. «Вспомнила» заклинание, которое, по идее, вообще не могли применять зверяне.

Четвертое; в точности, как и для самой Фоксглав, сегодняшнее утро обернулось удивительными открытиями и для Гайки. Мало того, что мышка обнаружила иммунитет Чипа и Дэйла к старости, оказалось что те и вовсе являются не двумя разными бурундуками, а магическим отражением друг друга...

Летунья напряглась. Начинала проследиваться первая, тоненькая ниточка: сегодня и Фокси, и Гайка с утра совершали неожиданные открытия.

Будто им подсказывали, да?

Фокси стиснула зубы. Кто-то накачал спящую летучую мышь информацией и подкинул заклинание, которое, по словам вороны, «вспыхнуло как маяк во тьме». Кто-то заронил Гаечке в душу сомнение по поводу ее ближайших друзей– бурундуков, и немедленно снабдил кучей доказательств... Что, за все годы в одной команде, Гайка не спрашивала ребят об их прошлом?! Долгими зимними вечерами, или летом, загорая на пляжах, никому так НИ РАЗУ и не пришло в голову сопоставить даты?!

Фокси оцепенела. Коготки судорожно впелись в одеяло, сердечко просто

остановилось.

А как же она сама?

Летучая мышь в панике зажмурилась и лихорадочно, задыхаясь, принялась терзать память. Вот ее родное дупло, в заповеднике Йеллоустоун... Мама? Папа? Сестры, братья? Их мордочки смутно проступали из мрака, но имен вспомнить не удавалось. Почему?!

«Потому, что летучие мыши заботятся о потомстве лишь короткое время...» – услужливо подсказала память. Фокси в бешенстве напряглась: она не простая летучая мышь, она разумный зверянин! Среди разумных видов не принято бросать едва открывших глазки птенцов!

И вообще, с каких пор летучие мыши гнездятся семейными парами?! Они живут колониями, огромными стаями, где даже за брошенным детенышем всегда нашлось бы, кому присмотреть!

«Ты не понимаешь...» – вспомнила Фокси собственные горькие слова, обращенные к Дэйлу. – «Уинифри была моим единственным другом, пока я не встретила вас...»

Но что было РАНЬШЕ?! Где жила Фокси до знакомства с Уинифри?! В Йеллоустоуне, подсказывала память, но это же все равно, как сказать «Я родился в стране».

Пытаясь не паниковать, Фоксглав начала последовательно вспоминать все, что знала о себе, и в ужасе поняла – она не знает ничего. Это выглядело, словно ее разум неожиданно «включился» в тот миг, когда она подхватила падающего бурундучка в нелепой пестрой рубаше.

«Вовсе нет!» – возмутила память. – «Все ты знаешь! Ну, как же: вот добрый дядюшка Граувинг, он дарил тебе веселые трещотки, помнишь? Они так забавно трепыхались, привязанные к хвосту...»

«Что еще за дядюшка Граувинг?!» – едва не заорала летунья вслух.

Память на миг заколебалась, но тут же продолжила наступление:

«Как ты могла его забыть! Или, вот еще: зеленые холмы над рекой, где отец учил тебя летать... Запах цветов! Одуванчики! Искрящая в лучах солнца вода! Такая теплая, вкусная...»

– Летучие мыши днем спят, – процедила Фокси сквозь зубы.

«Память» умолкла. Испуганная, растерянная, но полная решимости идти до конца, крылатая плотно сжала веки.

«Кто ты?» – позвала она. – «Не прячься! Я знаю, ты здесь, внушаешь мне мысли, подкидываешь лживые воспоминания! Кто ты?! Что стало с моей настоящей памятью?!»

Ответа не было. Фокси медленно расслабилась, открыла глаза. Долго смотрела в потолок, слушала мерный вой турбин.

– Ты боишься меня, – тихо сказала летучая мышка. – Верно? Я чую твой страх, слышу его запах. Почему? Почему тебе страшно? Я едва не погибла в колдовском сне, я лечу навстречу неизвестности, мои шансы дожить до завтра – эфемерны. Чего ты боишься?

Молчание. Фокси глубоко вдохнула.

– Что ж, не хочешь говорить, будешь слушать, – процедила с напряжением. – Я спасу Чипа и Дэйла. Я люблю их. Ты отнял мою память, лишил семьи, но теперь Спасатели – моя семья, и отнять их вторично я никому не позволю. Слышишь? Никому.

Она всхлипнула.

– Никому...

Летунья зажмурилась, накрылась крыльями. Измученная долгим нервным напряжением, Фокси погрузилась в сон без сновидений.

Разбудила ее Гаечка – судя по красным, слезящимся глазам, также не слишком хорошо выспавшаяся. Фоксглав молча поднялась в кабину, покачала головой в ответ на предложенный Гайкой серебристый комбинезон.

– Я покрыта прелестной шерсткой, – сказала твердо.

Мышка вздохнула.

– Это задумывалось, как парадная форма Спасателей...

Фокси моргнула:

– Ой. Прости... Тогда, давай, конечно, я согласна, – она смущенно переступила с лапки на лапку. Гаечка помогла летунье натянуть комбинезон, имевший по бокам широкие прорезы для крыльев.

– Ну вот, – сказала грустно. – Теперь все официально. Хотя шестеро смотрелись

бы лучше.

Фокси вздрогнула.

– Все будет хорошо, Гая, -заверила она подругу. – Вот увидишь, мы скоро воссоединимся с друзьями!

– Двусмысленно у тебя получилось, – мрачно буркнула Гайка. – Впрочем, я сейчас в таком настроении... Врагу не пожелаю.

Она отошла к пилотскому креслу и вывела на главный экран изображение с камер внешнего наблюдения. Ракета стояла в кустах, посреди роскошного и необычайно чистого, геометрически– выверенного парка. Пейзаж даже чем-то напоминал поле для гольфа.

Вдали, метрах в пятистах, высился угрюмый средневековый замок, квадратный в плане, темно– серый, с четырьмя опять– таки квадратными башнями по углам. У ворот, явно в более поздние времена, была выстроена терраса в виде полумесяца, по обоим «рогам» которого поднималась асфальтированная дорога. Несколько роскошных спортивных машин у дверей намекали, что замок Бёкенберг не заброшен.

– Оружие возьмешь? – неохотно спросила Гаечка.

– Оружие?! – переспросила Фокси.

– Разрядники Тесла, – мышка кивнула на пять одинаковых ранцев, стоявших в ряд у заднего борта. К каждому толстым, экранированным кабелем крепился щуп– излучатель, придававший разрядникам колоссальное сходство с заплечными огнеметами времен второй мировой. – Ты уже видела, как они работают.

Фокси с тревогой оглянулась на Гаечку:

– Спасатели не пользуются оружием...

– Теперь пользуются, – буркнула мышка. – Оно не смертельное. Напротив, может спасти тебе жизнь. Мощности достаточно, чтобы вырубить атакующего быка, перезарядка – несколько секунд, батареи хватит на пару десятков разрядов. Берешь, нет?

Фокси замотала головой. Гаечка вздохнула:

– Я так и знала.

Она подошла к борту, надела один из ранцев, решительно застегнула ремни. Щуп вознесся над плечом, как ствол снайперской винтовки.

– Пошли, – Гайка с трудом подняла еще один ранец и направилась к лифту в задней стенке кабины. Фокси, все больше нервничая, тронула подругу крылом.

– Гая...

– Не бойся, это не для тебя, – глухо отозвалась мышка. – Для Рокфора. Он не откажется.

– Милая, ты слишком озлоблена, – летунья с тревогой заглянула подруге в глаза.

– Так нельзя...

– Если б я предвидела, что буду стрелять в уродов, похитивших Чипа и Дэйла, – размеренно проговорила Гаечка, – Я спроектировала бы эти разрядники смертельными. Еще вопросы?

Отпрянув, Фоксглав с трудом покачала головой. Гайка отрывисто кивнула:

– Хорошо. Поскольку лифт тебе не нужен, выходи через люк и лети к основанию ракеты. Там новый самолет – пока я буду спускаться, подготовь его, пожалуйста.

Фокси отвела взгляд.

– Как скажешь.

– Спасибо, – Гаечка протиснулась в узкую дверцу и втащила за собой второй ранец. Летунья проводила подругу горьким вздохом.

Расправив крылышки, Фокси выпрыгнула из люка и по спирали спланировала на землю. В борту ракеты была откинула аппарель; на ней стоял удивительный стальной аппарат.

Внешне он напоминал «Крыло» с очень широким и плоским фюзеляжем, но шасси было гусеничным, резино–кевларовым, а шестиместный салон накрывал полусферический стеклянный колпак. За счет этого, а также по вине фюзеляжа из полированной нержавеющей стали, самолет выглядел, как планетоход из старой фантастики.

Отыскав кнопку, Фоксглав подняла стеклянный колпак, забралась в кабину и оглядела приборную панель. Летунья умела управлять «Крылом» и дирижаблем Спасателей, поэтому разобраться в новой машине ей труда не составило. Двигая рычагами, словно механик–водитель танка, она успешно съехала по аппарели в траву и отвела самолет на пару метров от ракеты. Гаечка ожидала внизу.

– Ну вот, мы у замка, – осторожно спросила Фокси. – Что дальше?

Гайка сняла со спины ранец, закинула на заднее сидение, рядом бросила второй.

– Подвинься.

Летунья уступила подруге место пилота. Изобретательница пристегнула ремни, опустила прозрачный колпак и завела двигатели. Самолет с ревом рванулся ввысь.

– Утром, пока ты спала, звонил Рокки, – мрачно сказала Гайка. – Они с Вжиком и Кассандрой ждут на северо-западной башне.

– Рокфор уже здесь?! – обрадовалась летунья. – Здорово!

Гайка кивнула:

– Ага.

Замок рос на глазах, вблизи стало видно, что вокруг его северной стены идет реставрация. Алюминиевые леса вздымались на много метров, несколько рабочих в оранжевых касках штукатурили древние камни.

Фокси нахмурилась:

– Гая, они заметят самолет...

– Ну и пусть, – буркнула мышка.

– Это помешает спасти ребят!

– Нам сейчас не до конспирации, – угрюмо отозвалась изобретательница. –

Фокси, я долго думала... Анализировала все, что с нами случилось...

Летунья застыла:

– Да, я слушаю? – выдавила напряженно.

Гайка умолкла. За бортом свистел ветер, приглушенно жужжали моторы. Аппарат мягко покачивался в восходящих потоках.

– Я не могу вспомнить лица мамы, – сказала, наконец, белая мышка.

Фокси моргнула. У нее похолодело на сердце.

– Гая?

– Это сводит с ума, – процедила Гайка сквозь зубы. – Я мучилась всю ночь.

Помню фотографию отца в рамочке, помню, как встретила с Чипом и Дэйлом. И совершенно не помню ничего, что было раньше.

Она бросила на летучую мышку внимательный взгляд.

– Сколько мне лет, Фокси? – спросила тихо.

Крылатая отпрянула.

– Ты о чем?

– Сколько – мне – лет? – прорычала Гаечка. Оторвав одну лапку от штурвала, она подняла ее перед глазами. Взглянула на гладкую белую шерстку, изящные коготки. Фокси сглотнула:

– Гая, подруга. Успокойся, прошу. Ты вся на нервах.

– Я вот тут думаю... – протянула мышка, не слушая летунью. – Если Дэйл зеркальное отражение Чипа, так может, подобные двойники есть у нас всех? У меня-то имеется точно – Лавайни.

Фокси широко раскрыла глазки:

– Гайка!!!

– Ага... – безучастно отозвалась мышь. – Заставляет задуматься, правда?

Пораженная, Фоксглав даже подалась назад.

– Но Дэйл вовсе не полная противоположность Чипу... – пролепетала растеряно.

– Ошибаешься, – возразила Гайка. – Просто и тот, и другой – живые бурундуки, обитают в контакте со средой, с нами, и за годы различия более– менее сгладились. Если б кто-то начал перевоспитывать Лавайни в детстве, из нее, конечно, не получилась бы вторая я, но и такой злодейкой она бы осталась едва ли.

Изобретательница стиснула зубы.

– Вот я и думаю... – процедила напряженно. – Пока один из двойников стареет, его зеркальное отражение будет молодеть, разве нет? И если создать между ними связь, процессы компенсируют друг друга. Мы получим нестареющую команду Спасателей.

– Гайка, хватит, – прошептала Фокси. – Мне страшно...

Мышка бросила на подругу косой взгляд.

– Сейчас станет страшнее, – усмехнулась невесело. – Задумайся. Существует ли зеркальное отражение прежде, чем ты впервые согласишься в зеркало?

Она до боли вцепилась в штурвал:

– Может ли отражение ПОМНИТЬ?

Фокси сжалась в комок и накрылась крыльями. Ее душа трепетала, мысли безумно скакали. Пока летунья приходила в себя, Гайка посадила самолет на плоской каменной крыше северо-западной башни.

– Не говори им ничего, – прошептала изобретательница и откинула защитный

колпак кабины. – Рокки, Вжик! Кассандра!

Австралиец стиснул Гаечку в объятиях, Вжик со счастливым жужжанием бросился Фокси на грудь. Кассандра встретила друзей уважительным кивком. Она стояла в стороне, в огромных черных очках, поскольку, будучи ночной бабочкой, ничего не видела днем.

– Привет вам, о дива науки и пожирательница мотыльков, – поздоровалась она. Фокси вздрогнула:

– Я ем только плоды, – возразила напряженно. Она впервые видела Кассандру, и моментально решила, что гадалка ей не нравится.

Ночная бабочка развела лапками:

– Значит, ты такая одна, – сказала спокойно. – Тысячи моих друзей и сородичей встретили конец на клыках летучих мышей.

Рокфор озадаченно почесал в затылке и, крикнув, поспешно вышел вперед:

– Касси, Касси, ну же... Фоксглав не такая, она верный друг и, вообще, отличная девочка...

– Все хорошо, – с трудом отозвалась Фокси. – Я привыкла.

Она отошла в сторону, пока Рокки и Гайка шепотом ругались с Кассандрой. Расстроенный Вжик подлетел к крылатой подруге, обнял ее за ухо. Летучая мышка слабо улыбнулась:

– Не бойся, малыш, – сказала ласково. – Скоро мы отыщем Чипа и Дэйла.

Глубоко вздохнув, она подошла к остальным.

– Кассандра, надо поговорить, – выдавила с натугой. – Ты можешь меня ненавидеть за то, кем я родилась, но речь сейчас не обо мне, а о наших похищенных друзьях. Я нуждаюсь в совете, мне прежде не доводилось сталкиваться с изначальной магией. И еще... Кое–какие детали... Требуют внимания.

Ночная бабочка наострила широкие усы–антенны.

– Я гадалка, не колдунья.

– Но ты столько всего знаешь, Касси! – нервно вставил Рокфор. – Милая, мы же не зря сюда тащились за пол–Европы!

– Я на многое готова ради тебя, Рокфор, – отозвалась Кассандра. – Но знания мои, вам едва ли помогут.

Фокси дернула хвостиком.

– Ты способна видеть в хрустальном шаре астральные проекции зверян?

Гадалка кивнула.

– Конечно.

– Даже если они далеко?

– В астрале нет понятий «далеко» и «близко».

Фокси подалась вперед:

– А теперь напрягись и попробуй вспомнить одну очень, очень важную вещь, – летучая мышка понизила голос. – Когда ты гадала на судьбу Чипа, была ли у него обычная астральная проекция, или имелись какие-то отклонения? Это вопрос жизни и смерти, Кассандра. Постарайся вспомнить, пожалуйста.

Гадалка нахмурилась, надолго умолкла. Ее блеклые крылышки медленно вздымались и опадали.

– Я... Не уверена, – отозвалась она после паузы. – В трансе я плохо запоминаю детали. Но что-то странное было, несомненно, поскольку мои предсказания всегда сбываются, а Чип в тот день не погиб.

Фокси и Гайка дернулись, даже Рокфор нервно подкрутил ус.

– Скажи, – выдавила летучая мышка. – Допустим, чья-то душа оказалась поделена на две половинки, светлую и темную. Как это могло повлиять на твое предсказание?

Гадалка встрепенулась:

– Сие очевидно! Коли судьба, что я видела в шаре, относилась лишь к одной половине личности, вторая половинка могла повлиять на будущее и изменить его. Даже бессознательно, скажем, просто желая чего-то в душе.

Фокси и Гайка переглянулись.

– Например, желая, чтобы Чип не погиб? – тихо спросила белая мышь.

Кассандра кивнула:

– Вполне возможно.

Фоксглав лихорадочно огляделась:

– Нужен контрольный образец. Я сейчас... – она расправила крылышки и прынула в воздух, провожаемая растерянными взглядами.

Вернулась минут через пять, таща в когтях отбивающегося воробья:

– Lass ihn gehen! Hilfe! Angriff aus dem Schatten! – орала птица. Летучая мышь бросила ее на камни рядом с самолетом и прижала лапкой.

– Молчи! – прорычала с таким выражением на мордочке, что воробей моментально притих. Озадаченный Рокфор подергал себя за усы.

– Э– э– э...

– Кассандра, подойди, – приказала Фокси. – Посмотри на астральную проекцию этой птицы, а затем сравни с Гайкиной.

Изобретательница уже все поняла и с волнением кивнула:

– Да, да! Сделай это, Кассандра!

Ночная бабочка с легкой растерянностью развела лапками.

– Нужно время...

– Мы не спешим, – процедила Фокси сквозь зубы. Воробей, придавленный ее лапой, поднял голову:

– Я люблю Америка... Хорошой Fledermaus... Не кушать...

– Мы тебя скоро отпустим, – огрызнулась летунья. – Рокки, переведи ему.

Силач, тяжело вздохнув, что-то сказал по-немецки. Воробей затараторил было в ответ, но Фокси крепче стиснула коготки и птица мгновенно умолкла. Кассандра, тем временем, уже вытащила из рюкзака Рокфора хрустальный шар.

Сеанс занял пару минут, после чего Фоксглав отпустила воробья и тот, ругаясь на всех языках, умчался прочь. К Кассандре подошла Гайка:

– А теперь сравни то, что ты видела у птицы, с моей... – попросила робко.

– Ищи такие же отклонения, как у Чипа, – добавила Фокси.

Кассандра, нахмурившись, кивнула. Они с Гаечкой уселись друг против друга, положили лапки на шар. Гадалка провела некоторое время в неподвижности, за темными очками не было видно ее глаз.

– Все верно, – выдохнула она, наконец, и в голосе ясно чувствовался страх. – Все верно, Фоксглав. У Гайки в точности такая же «необычная» душа, как была у Чипа.

Смертельно бледная, изобретательница с трудом встала на ноги и отошла к самолету. Фоксглав напряженно кивнула на Рокфора и Вжика:

– Теперь их, – процедила сквозь зубы.

– Слушайте, я не понимаю, что тут происходит, но... – начал было австралиец, однако его неожиданно прервала Гаечка:

– Рокки, прошу. Это очень важно.

Силач нехотя разгладил усы, шерсть у него на загривке стояла дыбом. Кассандра вновь застыла над шаром:

– У Рокфора душа обычная, совсем не такая, как у Гайки и Чипа, – сказала она по окончании сеанса. – Более... Полная, сочная. А Вжика тестировать нет смысла: проекции насекомых абсолютно непохожи на проекции позвоночных, сравнивать его с птицей бесполезно. Я насекомое, я знаю.

Фокси кивнула:

– Я так и думала. Мы все знакомы с родителями Рокфора, да и сам он день и ночь рассказывает байки о своих стародавних похождениях, так что с памятью у Рокки явно проблем нет.

– А должны быть?! – переспросил силач. Фоксглав помолчала.

– Гая, отойдем на минутку... Прости, Рокки, – она с сожалением развела крыльями. – Мы все объясним, просто сначала хотим понять сами.

Две мышки, простая белая и фиолетовая летучая, зашли за самолет. Фокси обернулась к Гаечке:

– Похоже, только вы с Чипом – отражения, соответственно, Лавайни и Дэйла, – сказала очень тихо. – А Рокфор и Вжик, наоборот, «оригиналы», чьи отражения мы пока не встречали.

– Сомневаюсь, – напряженно отозвалась Гайка. – Рокфор выглядит намного старше всех нас, и за последние десять лет у него заметно прибавилось седых шерстинок. Думаю, он вне схемы.

– Хм– м– м... А Вжик?

– А Вжика и в самом деле нет смысла тестировать, – мрачно сказала Гаечка. – Мухи живут лишь 24 часа, а он с нами уже десять лет, и никто не ведает, как долго пробыл с Рокфором, прежде чем тот повстречал ребят.

Фоксглав нервно обернула себя крыльями.

– Итак, все, кроме Рокфора?

– И тебя, – тихо добавила белая мышка. Летунья вздрогнула:

– Я лишь недавно присоединилась к Спасателям.

– Ну и что? Меня Чип и Дэйл встретили через тридцать семь лет после того памятного, последнего выступления Клариссы в 1952... – Гайка опустила голову.

Фокси глубоко вздохнула и, нервно подергивая хвостиком, вернулась к гадалке.

– А теперь испытай меня, Кассандра... – попросила глухо. Ночная бабочка с заметной неохотой коснулась хрусталя.

На сей раз, сеанс отнял больше времени. И когда летунья, наконец, раскрыла глаза – ей предстало лицо гадалки, полное неподдельного страха.

– У тебя иная душа! – прошептала пораженная Кассандра. – Ты не летучая мышь! Ты... – она запнулась и нервно прижала усики. – Я не знаю...

Фокси опустила голову.

– Зато я знаю, – отозвалась невесело. Тяжко вздохнув, поднялась на ноги, обернула себя крыльями. Постояла так, успокаивая сердечко. Все смотрели на нее, у Гайки нервно подергивался хвостик, Рокфор хмурился.

– Друзья, – сказала Фоксглав после паузы. – Надо возвращаться к ракете. В этом замке нет, и никогда не было ведьмы.

Изобретательница отпрянула:

– Что?! Фокси, но...

– Поверь, – глухо оборвала летунья. – Я начинаю обо всем догадываться, и если я права... – она покачала головой. – Гая, доверься мне. Прошу. Я знаю, как спасти ребят, только вам придется мне верить – верить сильнее, чем когда- бы то ни было, верить, даже вопреки сердцу.

Она обернулась к сурово хмутившему брови австралийцу:

– Рокки, тебя прошу особенно. Что бы ни случилось, как бы ни обернулась прихотливая игра судьбы – верь мне. Я не подведу. Обещаешь?

Рокфор, крикнув, шагнул вперед:

– Девочка, мне совсем не нравится, к чему ты ведешь. А ну, сознавайся...

Фокси покачала головой.

– Сначала обещай.

– Что обещать?!

– Что согласишься мне.

Рокфор нахмурился еще сильнее.

– Ну, допустим. Обещаю.

Летучая мышка судорожно сглотнула.

– Гайка, теперь ты.

Изобретательница нервно взъерошила волосы.

– Фокси, я доверяю тебе, как себе самой. Я никогда не подвергала тебя сомнению, ты наша самая верная и искренняя подруга. В чем дело?

Фоксглав помолчала.

– Не здесь, – сказала, наконец. – Вернемся к ракете. Кассандра, лети с нами, прошу.

Гадалка развела крылышками:

– А куда еще мне сослепу деваться-то днем?

Летунья слабо улыbnулась. Все пятеро заняли места в самолете, прозрачный колпак с шипением опустился, отрезав внешние звуки. Приглушенно взвыли моторы, начался набор высоты.

– Милая, что происходит? – вполголоса спросила Гаечка, не отвлекаясь от управления.

– Мне страшно, – тихо отозвалась Фокси. Белая мышка бросила на нее быстрый взгляд.

– Почему?

– Я... Я скажу, когда прилетим. Прошу, не спорь.

Гаечка напряженно кивнула: в голосе летуньи чувствовались совсем новые, незнакомые нотки. Будто что-то перегорело в душе.

Самолет, покачиваясь, опустился на траву у откинутой аппарели. Первой из машины вылетел Вжик, держа за лапку Кассандру, они скрылись в ракете. Фокси, Гайка и Рокфор остались одни.

Летучая мышка закрыла глаза:

– Друзья, – сказала она тихо. – Вы поклялись мне верить. Напоминаю об этом еще раз.

– Зачем? – с натугой спросила Гайка.

– Чтобы вы не пытались меня остановить, – Фокси открыла ясные глазки.

Глубоко вздохнула. – Сейчас я попытаюсь прочесть ужасное заклинание «Холодный Мост», используя в качестве целеуказателя свою кровь. Это отбросит меня в собственное прошлое, а значит, уничтожит ту Фокси, которая сейчас сидит рядом с вами.

Рокфор, крикнув, резко встал на ноги, Гаечка прижала лапки ко рту. Фоксглав рывком распахнула крылья:

– Так надо! Другого пути нет!

– Если ты возомнила, будто я стану молча смотреть... – начал взбешенный Рокки, но летучая мышка быстро перегнулась через спинку сидения, коснулась груди силача и прошептала несколько слов. Глаза австралийца закатились, он шумно рухнул обратно в кресло и обмяк, мерно дыша. Гайка содрогнулась:

– Фокси?!

– Просто магический сон. Продлится минут десять, – летунья опустила голову.

– Он ни за что бы мне не позволил...

– Думаешь, я позволю?!

– Да, – сурово отозвалась крылатая. – Позволишь.

Они взглянули друг другу в глаза.

– Так надо, Гая, – тихо сказала Фокси. – Другого пути нет. Я... Утром тебе не сказала, но... Я всю ночь терзала память, пытаюсь хоть что-то вспомнить о своей прежней жизни. Бесплезно. Мой разум не сохранил ничего, что происходило до первого знакомства со Спасателями. Я даже не помню, где встретила Уинифри и как оказалась у того кинотеатра.

Гаечка дрожала, ее хвостик бешено хлестал по сторонам.

– Мы ведь уже догадались, в чем дело... Мы отражения...

Фокси медленно покачала головой.

– Вы с Чипом, да. Но только не я. – она подняла крыло и коснулась виска. – Оно здесь, Гая. Мое прошлое. Я чувствую. Его загнали на самое дно, раздавили, но стереть до конца не смогли.

Летунья покачала головой.

– Я пустая оболочка.

– Ты Фоксглав, моя подруга! – крикнула Гайка, схватив летучую мышку за

плечи. – Добрая, веселая, искренняя и бесстрашная, наивная и верная! Какая разница, что было в прошлом?! Важно, что происходит сейчас!

Фокси с болью улыбнулась.

– Вот именно, – отозвалась тихо. – Сейчас я пытаюсь спасти Чипа и Дэйла.

Она отвернулась, судорожно сглотнула.

– Надо подготовить заклинание, – выдавила с трудом. – Прости...

Гаечка уронила руки. Молча, с ужасом, смотрела, как Фокси расставляет на крыле самолета серебряные инструменты. Прокусив краешек перепонки, летунья капнула несколько густых темно– красных капель в серебряный наперсток и установила его между собой и черной свечой.

– Прощайте, друзья, – сказала еле слышно.

Гайка зажмурилась. Фоксглав, с силой, втянула воздух:

– Гарр и'х нгол'х, гарр ктпак п'гут... – и в этот раз, проваливаясь в колодец, она не кричала.

Очнулась в полной тишине. Некоторое время нежилась на атласных перинах, вдыхая ароматы цветочных гирлянд. Что за день! Хороший день... О– о– о, дождалась, дождалась, наконец! Сегодня, сегодня это случится!

Мерзко хихикнув, она выскользнула из– под одеял и потянулась, чувствуя обнаженным телом каждое дуновение ветерка, взмах крыла бабочки, вздох влюбленного в красоту муравья. Она ненавидела одежду, эти нелепые покровы, отсекающие Солнце, делающие любое тело тюрьмой! Жаль, носить истинный облик стало нынче слишком опасно...

Одна мысль о грязном, полном крови и похоти мире за стенами, воскрешала в ней вековую злость и бессильный гнев. Последыш... Ей следовало умереть тысячи лет назад, вместе с родиной, поглощенной волнами. Она стояла на палубе разбитого корабля, протягивая руки к гибнущему раю, она трепетала, когда многие спасшиеся вместе с ней, один за другим, с улыбками уходили во тьму...

Она не ушла. Нет, слишком уж много скопилось в душе ненависти. Она продолжила жить и бороться – годами, столетиями, в полном одиночестве, а жалкие местные полуживотные елозили перед ней на лысых животах, униженно пресмыкались, целовали ее бриллиантовые когти.

И ради чего... Утекали века, дикари развивались, но она оставалась прежней. Настал час, когда вместо жрецов, к ней в замок стали наведываться «герои», мечтавшие пронзить ее гордую грудь тусклыми огрызками стали – чтобы затем хвалиться в тавернах этим подвигом.

Так, потихоньку, век за веком, ее приучили бояться. Она стала скрывать свой истинный облик, бежала из сверкающего дворца на задворки этой потной, похотливой цивилизации, много раз меняла место жительства... И наконец, уединилась окончательно, лишь раз в пятьдесят лет позволяя себе выглянуть из обители во внешний мир. Она стала угрюмой, злобной, мелочной. Тенью себя прежней. Сегодня, ей бы не хватило храбрости добровольно уйти во тьму – где, наверно, до сих пор ждали друзья...

Она встряхнулась, гневно сверкнула глазами. Нет. В ее медленно угасающей жизни сохранилось слишком мало радостей, чтобы позволить тяжким воспоминаниям испортить такой день. О, этот день! Сегодня она потушит крохотный огонек любви, вспыхнувший между двумя слугами! Хи– хи– хи... Она ненавидела любовь смертно, всеми фибрами своей потускневшей души. Уцелевшая, от крови давно сгинувшего народа, вечно одинокая, столетиями мечтала она встретить любовь, и с каждым бесплодным днем, с каждой растоптанной надеждой, ненависть разгоралась все ярче. Любовь... Самый безжалостный яд этого мира!!!

О, глупцы еще скажут ей спасибо... Хи– хи– хи... Да, да! Скажут спасибо! Приползут, как в доброе старое время, извиваясь у ног! Хе– хе– хе... Хе– хе...

– Эй, бездельницы!!! – взвизгнула она, неохотно принимая опостылевший облик древней старухи. – Куда вы девали мою утреннюю росу?!!

Из-за дверей, спотыкаясь от страха, показались несколько морских свинок, тащивших ореховую скорлупку с крышечкой. Она выхватила напиток у мерзких тварей, жадно сглотнула. Поморщилась от странного привкуса.

– Вы что, мочились туда?! -заорала на свинок. Бедняжки сжались, принялись лепетать оправдания. Она с наслаждением пнула каждую по очереди и еще долго, улыбаясь, слушала их затихающий за дверьми визг.

Отлично! Тварюшки всем растрезвонят, что госпожа сегодня не в духе, а значит, будет сидеть в опочивальне и ругаться на чем свет стоит. Это придаст ее жертвам

уверенности... Хе– хе– хе... Отбросив пустую скорлупку, она приняла облик крохотной фиолетовой летучей мыши и юркнула в окно. О, эти наивные дикари... Глупцы и в самом деле верили, что госпожа не ведаёт об их преступлении!

Мысленно трепеща от предвкушения, она бесшумно нырнула в печную трубу и затаилась в золе на дне погасшего камина. Здесь, в подвале, мерзавцы встречались уже много дней. Свидание устроят и сегодня, хе– хе– хе...

Ждать пришлось долго, но уж чего– чего, а терпения бессмертным не занимать. Когда дверь в подвал, наконец, приоткрылась, «летучая мышь» едва удержала радостный вскрик. Вот они, голубчики... Любовнички... Мерзавчики... Подумать только, какая наглость, под самым ее носом!

Предатели и не подозревали, что разгневанная госпожа затаилась от них всего лишь в паре футов. Он – управляющий слугами, бывший судья, поплатившийся за чрезмерную жадность – держал за лапку очаровательную белую мышь с огромными глазами и пышной гривой золотых волос. Прежде, эта нахалка была математиком в Александрии, втерлась госпоже в доверие, будто желая помочь – и посмела издать «ученый труд» о тайнах погибшей родины! С тех пор, она чистила обувь в самом глухом закутке подземелий. И где только щеголь– судья ее встретил?!

– Не плачь, не плачь, родная... – шептал, тем временем, бурундук в строгом черном кафтане. – Осталось недолго. Уже на рассвете мы будем свободны, вернем человеческий облик и поженимся, клянусь господом.

Мышка непрерывно утирала слезы.

– Если ведьма узнает... Я уже забыла, как выглядит Солнце...

– Колдунья ничего не узнает, – жестко отозвался бурундук. – Я все подготовил. Сегодня утром старухе дали яд, который вскоре лишит ее колдовских сил; но даже если Веттербок ошибся, и его эликсир не сработает, у меня есть абсолютное оружие.

«Летучая мышь» в золе просто оцепенела. А белая мышка, всхлипнув, робко подняла глаза:

– Какое?

Бывший судья усмехнулся.

– Истинное имя ведьмы.

Златоволосая отпрянула:

– Не может быть!

– Все так думают, – свирепо отозвался герр Убель. – Даже Веттербок. Старый маг не знает, что когда я вел процесс над колдуньей, ко мне привели одного цыгана... Тот клялся, что выведал это имя у арабского купца, который, в свою очередь узнал его от невольника с неведомого острова. Цыган хотел тысячу дукатов золотом, но когда ему прижигали пятки, согласился, что цена великовата, – Убель криво усмехнулся. – Я обладаю полной властью над ведьмой, а сейчас подарю ее и тебе, родная. Запомни: нашу госпожу зовут...

«Летучая мышь», наконец, преодолела оцепенение и, с кроважидным воплем, распахнула крылья. Влюбленные судорожно обернулись, белая мышка чуть не лишилась сознания. Герр Убель заслонил ее своим телом.

– Посмел... Предать?!... -задыхаясь от ненависти, выдавила колдунья. Бурундук, справившись с шоком от ее неожиданного появления, насмешливо упер лапки в бока:

– Ты превратила меня в эту жалкую тварь, отняла состояние, сделала рабом на пять веков – и ждала лояльности? Похоже, ты и впрямь выжила из ума!

Никак не ожидавшая такой наглости, ведьма даже попятилась на пару шагов. Герр Убель злобно расхохотался:

– Ощути– ка на себе свои чары! Этот жалкий тряпичный облик тебе больше не сбросить, старуха! Великий маг Веттербок подготовил яд, который ты уже выпила нынче утром!

У колдуньи помутилось в глазах. Издав яростный вопль, она попыталась вернуть свое истинное, первоначальное тело, но сил хватило только на тусклую вспышку, стряхнувшую с шерстки золу. Герр Убель недоверчиво моргнул.

– Погоди– ка... – прошептал он, пятясь. – Я уже видел эту фиолетовую летучую мышь... Нет... Нет, не верю! Ты не могла так притворяться!!!

Чувствуя, как яд растекается по жилам, ведьма зажмурилась. Чувовищным усилием воли отогнала первобытный черный ужас, скрипнула зубами. Подняла веки, и так посмотрела на предателей, что несчастная белая мышка с писком спряталась за широкой спиной бурундука.

– Думаешь, победил меня? – выдохнула колдунья, трепеща от гнева. – О,

самонадеянный дикарь. О, как горько ты расплатишься...

– Не грози! – надменно оборвал бывший судья. – Я знаю твое имя, старуха! Ты в моей власти!

Ведьма рассмеялась.

– Жадность сгубила тебя однажды, погубит и теперь, – процедила она сквозь зубы. – Жалкий глупец! Что станешь ты делать с моим именем, ты, понятия не имеющий о магии?! – она сплюнула на грязный пол. – О, да... Истинное имя – страшная сила в руках колдуна. Если б ты не пожадничал, и сообщил его Веттербоку, мне пришел бы конец. Но ведь ты этого не сделал, верно, щенок? Ты приберег самый лакомый кусочек для себя...

Герр Убель попятился:

– Крейтервейс! – крикнул он во всю силу легких. – Заклинаю тебя твоим именем, Крейтервейс!

Ведьма расхохоталась злобно, жестоко, беспощадно.

– Мое имя Фоксглав, – бросила презрительно. – Как цветы, что благоухали в день моего вылупления, там, на зеленых холмах у реки, в долине Крейтервейс, где отец учил меня летать... – она скрипнула зубами. – Ты даже не проверил, дикарь.

Бывший судья посерел от ужаса, белая мышка схватилась за сердце. Колдунья выпрямилась, превозмогая боль, что сводила ей внутренности, жгла огнем душу.

– Амон– Ра, – прошипела она, медленно разводя крылья, между которыми начали проскакивать искры. – Амон– Ша'ах... Амон Дагга Ргл'стакка, Амарил, Амарраш, Аккера!!!

Тела бурундука и мыши засветились, поднялись в воздух. Герр Убель страшно закричал, но колдовство уже выворачивало его наизнанку, ломало кости, вдавливало глаза в череп. На миг остановившись, задыхающаяся от боли в груди, отравленная колдунья прохромала вплотную к корчащемуся бурундуку и жестоко вцепилась ему в ухо.

– Прежде, чем канешь во тьму, знай... – выдохнула она. – Я не убью вас, любовнички... Напротив, подарю бессмертие. Я разделю ваши жалкие душонки и разбросаю клочья по миру – навеки лишив надежды вернуть человеческий облик. Вас станет по двое, два тебя – и две ее, и вы станете ненавидеть друг друга, поскольку я

смешаю полярные фрагменты ваших душ... Вечная ненависть в жалком грызуньем обличье, вот, что ты получишь!

– Нет... – прохрипел бурундук, у него уже капала кровь из глаз. – Нет... Только... Не... Ее... Сжался... Не трогай... Ее...

– Сжался?! – переспросила ведьма. И закричала страшно, смертно, поскольку яд жег невыносимо: – Мне тысячи лет, и я никогда, ни от кого, не видела жалости!!! Никогда!!! Ни разу!!!

Она свирепо впиалась клыками в грудь умирающего бурундука, вырвала клочок мяса вместе с сердцем, и с плотоядным воплем разорвала сердце на две половинки. Кровь ударила фонтаном.

Алые капли завертелись туманом, образовали из себя форму копья и с разгона ударили белую мышь в грудь, пробив ее насквозь. Бедняжка пискнула, ее глаза вылезли из орбит, лапки судорожно засучили. Ведьма расхохоталась, но поперхнулась, услышав хриплый шепот умирающей мышки:

– Ты... Никогда... Не знала... Любви... – глаза несчастной уже подернула белая пленка, но губы еще двигались: – Мне... Тебя... Жаль...

Колдунья оцепенела, но было поздно: магия растерзала тела двух влюбленных, превратила их в кровавый туман, перемешала, и швырнула на грязный пол – уже четверых, беспомощных, неподвижных. Какая-то муха, оказавшаяся в поле действия заклинания, тоже раздвоилась и сейчас лежала в луже крови, дергая лапками. Рядом с ней, задыхаясь от боли, упала отравленная летучая мышь.

Разум колдуньи медленно погружался во тьму, сердечко прекращало трепыхаться. Она закрыла глаза. В памяти ярко, как наяву всплыла картина цветущей долины Крейтервейс, ее изумрудных холмов, ее хороводов, что водили светлячки летними ночами.

«Я иду к вам» – подумала Фоксглав, чувствуя разом и ужас, и облегчение. – «Я скоро...»

– Нет, так легко ты не отделаешься, – глухо произнес старик с огромной, до колен белой бородой. Он был одет в темно– синюю мантию, украшенную звездами и золотым орнаментом, на голове носил остроконечный колпак с изумрудом в навершии. Опустившись на колени, маг поднял умирающую летучую мышь и дунул ей в

мордочку.

Темнота слегка отступила. Фоксглав с огромным трудом приоткрыла глазки, судорожно вдохнула.

– Веттербок... – прошептала слабо.

– Узнала, да? – старик свел густые белые брови на переносице. – Долго же я за тобой охотился, Фоксглав. Слишком долго.

Он прищурил глаза, покрутил в руках беспомощную летучую мышь.

– О, да вас тут двое... – маг усмехнулся. – И вторая, я погляжу, явилась издалека.

Он провел ладонью над зверьком, и, словно магнитом, вытащил из тельца Фоксглав призрачного двойника. Пораженная, раздавленная летунья бессильно свалилась на пол.

– Ну, ну, – Веттербок нахмурился. – Очнись.

Фокси приподняла голову, с трудом сфокусировала зрение на старом волшебнике. Долго молчала, перевела взгляд на собственную копию, до сих пор беспомощно болтавшуюся в руках Веттербока. Зажмурилась.

– Она... Жила во мне... С самого начала? – спросила тихо.

Старый маг сурово кивнул. Фокси сжалась.

– Я... – она закрыла лицо крыльями. – Я...

– Ты не она, -заметил Веттербок. – Вас разделяют пять веков.

Летунья содрогнулась.

– Но... Но это же я... Это я совершила... – выдохнула с таким ужасом, что чуть не задохнулась. Старик покачал головой.

– Не ты, – отозвался очень серьезно. – Видишь ли, я собираюсь поступить с колдуньей так же, как она поступила с этими несчастными, – старый волшебник кивнул на неподвижные тела Гайки, Лавайни, Чипа и Дэйла. – А точнее, выдернуть из нее все хорошее, что еще сохранилось, и уничтожить остаток.

Фокси судорожно сглотнула.

– И я... Я...

– А вот и не скажу, – усмехнулся Веттербок.

Он уложил тельце колдуньи рядом с призрачной Фокси, отступил на шаг и скрестил на груди руки.

– Решай, – предложил негромко.

Фокси затрепетала.

– Я?!

– А кто ж, кроме тебя? – удивился волшебник.

Летучая мышка перевела взгляд на ведьму. Та слабо улыбнулась – едва заметно, уголками губ.

– Сжался, – шепнула почти неслышно. – Я устала. Я хочу домой... – в глазах летучей мышки блеснули слезы.

Фокси попятилась.

– Что я должна... решить? – выдавила она хрипло.

Веттербок указал жестом на тельце колдуньи.

– Реши, кто ты такая, – сказал спокойно. – Очищенный от скверны, светлый кусочек души, или душа, пять сотен лет терзавшаяся вот этими воспоминаниями, – он кивнул на тела влюбленных.

Фокси содрогнулась. Опустилась на холодные камни, прижала крылья к вискам. Долго молчала, часто– часто дыша от волнения.

– Это не выбор, – прошептала она, наконец. – Это судьба.

Сглотнув, она встала и посмотрела в глаза старика.

– Я... То есть она... Мы не заслуживаем милосердия, – сказала твердо. – Я хочу помнить.

Веттербок улыбнулся в бороду.

– Ты права, это никогда и не было выбором, – отозвался очень мягко. – Ведь летучая мышь, с которой я сейчас говорю, уже прожила эти годы. Помня все зло, что когда-то совершила.

Фокси сглотнула.

– Но я не помню...

– Помнишь, – заверил ее старый маг. – И память жжет тебя сильнее, чем ты думаешь. Именно поэтому ты посвятила себя спасению жизней, именно поэтому ты столь искренна, добра и бесстрашна. И вот, почему ты так жаждешь любви.

Потрясенная Фокси накрыла лицо крылом. Ее сердечко бешено билось, мысли беспорядочно скакали. Прошла почти минута, прежде, чем летунье удалось справиться

с собой и поднять голову.

– Что будет с моими друзьями? – спросила, с трудом выдавливая слова.

Веттербок удивленно развел руками.

– Я волшебник, не предсказатель. Это ты явилась из будущего, тебе и знать.

Мрачно кивнув, Фокси перевела взгляд на колдунью. Та следила за собственной копией с плохо скрытым ужасом.

– Если оставить все, как сейчас, ведьма не исправится, – тяжело сказала Фоксглав. – В ней слишком сильна ненависть, и совсем нет любви.

– Верно, – согласился Веттербок. – Что же делать?

Фокси подняла взгляд:

– Я умею любить. Она -только ненавидеть. Слей наши души. Пусть научится.

Старый волшебник прищурил глаза.

– Если я это сделаю, в тебя вольется вся ее ненависть, – он покачал головой.

Фокси криво усмехнулась:

– Я справлюсь, – отозвалась глухо. – И не такое глотала.

Веттербок помолчал.

– Да, ты справишься... – протянул он негромко. – Должен признать, я удивлен.

И в то же время, несказанно рад, что из такой, как она, – волшебник кивнул на ведьму, – Может в итоге получится такая, как ты.

Фокси кивнула.

– Я готова, – она легла на спину, распластала крылья и зажмурилась. Веттербок вздохнул.

– Надеюсь, готов и я... – он потер ладони, вокруг которых заструились искры, и опустился на колени.

Конец

Эпилог

Шум кроны могучего дерева переплетался с ревом урагана, стены потрескивали. Многовековой неохватный ствол ощутимо раскачивался. В доме царила густая липкая мгла, тайфун давно оборвал провода; контуры окон едва угадывались по мерцавшим за тучами молниям.

Дэйл сидел в главной зале, обернувшись одеялом. Где-то на втором этаже капала вода, дерево раскачивалось, ураган за стенами свирепо выл; одинокая свеча, горевшая на столе, отбрасывала темно– лиловые тени.

– А я не усну, – упрямо прошептал Дэйл. – На девятую ночь, да? Поглядим– ка, что будет, коли я всю девятую ночь просижу здесь...

Он плотнее закутался в одеяло, но лапки все равно тряслись. Сердечко бешено колотилось в груди. Друзья, уставшие за день, мирно спали в своих комнатах; Дэйл никому не рассказывал о кошмаре, что с недавних пор его преследовал. Только самого себя не обманешь: ему было страшно. Так страшно, что он решил бодрствовать в жуткую ночную грозу, лишь бы не спать. Не спать, слышишь? Не спать...

Сквозь шум урагана, от двери донеслись глухие скребущие звуки. Дэйл явственно ощутил, как шерсть на загривке встает дыбом.

«Померещилось» – решил он, судорожно цепляясь за одеяло. – «Мало ли, чем там ветер шуршит»

Поскребывание повторилось. Посерев от страха, Дэйл накрыл одеялом голову.

«Там никого нет... Никого нет! Никого!!! Нет!!!»

Снова, еще ближе, ударил гром, могучее дерево содрогнулось до самых корней. Яростный порыв ветра сорвал дверь с петель, моментально задул свечу; в крошечной тьме, оцепеневший Дэйл ощутил, как нечто дотронулось до его шеи.

От ужаса он не мог даже кричать, сердце покрылось коркой льда, лапки отнялись. Но прежде, чем пасть в милосердные объятия беспамяත්ства, Дэйл расслышал голос – мертвый, будто вытесанный из мрамора, что идет на могильные плиты:

– Нур айн паар тагэ... – прошептала Фокси, каждым словом замораживая в комнате воздух. Дэйл, пискнув, упал без чувств.

Летучая мышка с грустной улыбкой погладила его по голове. В комнату заглянула ворона, черная, как душа ведьмы. Дождь бил ее по перьям, и каждая капля, коснувшись птицы, становилась черной; от вороны, будто нити жуткой паутины, растекались темные ручейки.

– Кагги– карр! – сварливо проворчала она. – Не забудь про камеру наблюдения! Фокси вздохнула.

– Я все помню.

– Точно? – насмешливо каркнула птица. – А маячок пониже хвостика я сама прилепила?

Летучая мышка вздрогнула:

– Ох... Гайкин нанотрекер...

Птица щелкнула клювом.

– Наивная, – она покачала головой. – Говорила, каррр – пусть похищением займутся мои ребята, они профессионалы!

– Нет, – жестко возразила Фокси. – Я сама. Все должно выглядеть именно так, как я помню, иначе рухнет причинность и... Только солнце знает, чем это обернется.

– Солнце не знает, – насмешливо сообщила ворона. – Солнце, карррр, просто сгусток горящего газа!

Фоксглав опустила голову.

– Кому как... – прошептала едва слышно.

Перед ее глазами, будто наяву, сверкали изумрудные холмы, залитые светом.